2

II
561

191.

6982

БРЕМЕРФЕСТЪ

ДЕПАРТАМЕНТЪ ВНУТРЕННИХЪ СНОШЕНІЙ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ПОѢЗДКА ПО НОРВЕЖСКОЙ ЛАПЛАНДІИ

ВЪ 1894 ГОДУ.

Инв. № 14985

В. А. Березникова,

Императорскаго Россійскаго Консула въ Гаммерфестѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1897.

БИБЛІОТЕКА
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
А. Н.
Поступленіе № 1294
Отдѣл № II
Номеръ Отдѣла 661

инв. 1917 пк

Печатано по распоряженію Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Библиотека
Академии Наук
СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Отъ Боссекопа до поселка Пера Торгерсена. 1—9

Скала французской ученой экспедиціи у Боссекопа. — Альтенскій сосновый боръ. — Кофіордскіе мѣдные рудники. — Католическая духовная миссія. — Селеніе Эльвебаккенъ. — Финляндскіе поселенцы. — Мѣры правительства противъ финляндской иммиграціи и вообще иностранцевъ въ сѣверной Норвегіи. — Законы 22-го іюня 1863 и 21-го апрѣля 1888 гг. — Королевскія резолюціи 6-го мая 1876, 4-го августа 1879 и 1-го іюня 1895 гг. — Отзывъ Стортинга въ 1866 г.

2. Отъ поселка Перъ Торгерсена до Карашока. 9—25

Лопарскій національный костюмъ. — Однообразный характеръ мѣстности. — Гора Буэла Найвэ. — Лопарская почта. — Перевалъ Цаудни. — Ночлегъ въ избѣ Буойабески. — Стада оленей. — Ночлегъ въ избѣ Стипанауче. — Норвежскіе порядки въ сравненіи съ русскими на Мурманѣ. — Поселокъ Гардинъ и лопарская вдова Равна. — Гора Іешь-Вара. — Долина р. Карашокъ и поселокъ Ассибакте. — Въ лодкѣ по Карашоку. — Золотоносный песокъ и ловля жемчуга.

3. Карашокъ . . . . . 25—35

Населеніе Карашока. — Расположеніе и устройство домовъ. — Финляндскіе выходцы. — Статистика. — Способы передвиженія. — Земледѣліе. — Огородъ

Стр.

и садъ г-жи Эвре, жены ленсмана. — Климатъ.— Занятія жителей.—Школа.—Отношенія между лопарями и норвежцами.—Лопарская набожность.

4. Отъ Карашока до Валіокъ Гольмена . . . 35—42

Въ лодкѣ по рр. Карашоку и Танѣ. — Лѣсное хозяйство. — Гидрографія р. Таны. — Финляндское поселеніе Аудагоски.—Валіокъ Гольменъ.—Самуэль Бальто, спутникъ Нансена.

5. Отъ Валіокъ Гольмена до Учіока . . . . 42—49

Закрытіе русской границы для оленьихъ перекочевокъ.—Осмотрительность, съ которою Финляндія принимаетъ иностранныхъ подданныхъ.—Поселокъ Левоіокъ.—Пороги р. Таны.

6. Отъ Учіока до м. Сейда . . . . . 49—54

Населеніе Учіокскаго прихода.—Поселокъ лопаря Іона Айкіо.—Хорошія отношенія къ сосѣдямъ-финляндцамъ.—Порогъ Сторъ-Форсенъ.—Проектъ канала. — Финляндскій поселокъ Біэхча. — Польмакскіе лопари.

7. Списокъ населенныхъ мѣстъ на р. Тана. . 55

Поѣздка по Норвежской Лапландіи.

(Карашокъ. — Рѣка Тана).

Донесеніе Императорскаго Россійскаго Консула въ Гаммерфестѣ, В. А. Березникова.

Въ половинѣ Августа 1894 г. я выѣхалъ изъ Гаммерфеста въ Карашокъ (Karasjok), чтобы оттуда спуститься внизъ по рѣкѣ Тапа до того мѣста, гдѣ она перестаетъ служить границею между Финляндіею и Норвегіею.

Добраться до м. Карашокъ въ лѣтнее время представляется дѣломъ не легкимъ и сопряженнымъ со значительными расходами. Прежде всего пришлось мнѣ ѣхать на пароходѣ до мѣстечка Боссекопъ (Bosekop), лежащаго въ глубинѣ Альтенскаго фіорда, гдѣ меня долженъ былъ встрѣтить проводникъ, лопарь изъ Карашока, только что доставившій мѣстнаго пастора въ Альтенъ.

Боссекопъ есть экономическій и административный центръ Альтенскаго округа: здѣсь проживаетъ пасторъ и различныя гражданскія власти, здѣсь происходитъ весною ярмарка, на которую пріѣзжаютъ не только сосѣдніе лопари и норвежскіе поселенцы, но и жители пограничныхъ финляндскихъ мѣстностей. Телеграфъ доходитъ до Боссекопа. На берегу фіорда у самаго Боссекопа возвышается, прямо изъ воды, отвѣсная скала, имѣющая особый интересъ въ глазахъ геологовъ; зимовавшая въ Альтенѣ въ 1838—1839 г. француз-

ская ученая экспедиція вбила въ эту скалу знакъ на линіи уровня моря [1]); теперь этотъ знакъ на 1,20 метра выше уровня воды. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ Альтенскаго фіорда ясно видны слѣды поднятія берега.

Окрестности Боссекопа славятся рѣдкимъ для этихъ сѣверныхъ широтъ богатствомъ растительности. Мѣстная флора спеціально изучена и описана нѣсколькими нѣмецкими естествоиспытателями. Тотчасъ за Боссекопомъ начинается извѣстный Альтенскій сосновый боръ. Боръ этотъ представляется остаткомъ обширныхъ лѣсовъ, тянувшихся еще въ началѣ прошлаго столѣтія на 200 километровъ внутри страны, вплоть до финляндской границы близъ Каутокейно. Названія многихъ мѣстностей свидѣтельствуетъ о томъ, что въ прежнее время лѣсъ доходилъ до самаго берега Альтенскаго фіорда. Альтенскій боръ уцѣлѣлъ среди общаго истребленія финмаркенскихъ лѣсовъ, лишь благодаря тому обстоятельству, что почти до 1700 г. въ Альтенскомъ округѣ не было постоянныхъ жителей и что вся земля въ Финмаркенѣ принадлежала датскимъ королямъ; лишь въ 1775 году поселенцы получили въ собственность воздѣланныя ими земельные участки, съ прилежащими выгонами и дровянымъ (березовымъ) лѣсомъ.

Недалеко отъ Боссекопа, въ томъ же Альтенскомъ заливѣ, находятся Кофіордскіе мѣдные рудники, самые сѣверные въ Европѣ. Прежде рудники принадлежали одной англійской акціонерной компаніи, которая вела дѣло весьма непрактичнымъ образомъ; обширная, чрезвычайно дорого оплачиваемая администрація поглощала всѣ доходы и компанія должна была ликвидироваться. Рудники долгое время стояли заброшенными, но въ 1896 году они куплены за очень дешевую цѣну шведскимъ консорціумомъ, которому принадлежатъ из-

---

[1]) Ch. Martins. Du Spitzberg au Sahara. Paris. 1865. pag. 131—136. E. Suess. Das Antlitz der Erde. II Bd. Wien. 1888. Pag. 441.

вѣстные рудники Сулительмы и который, надо надѣяться, поведетъ эксплоатацію болѣе разумнымъ образомъ.

Переночевавъ въ Боссекопѣ, я выѣхалъ оттуда на другой день вечеромъ и прибылъ, послѣ почти двухчасовой ѣзды въ экипажѣ, сначала по порядочному шоссе, а потомъ по довольно тряской проселочной дорогѣ, къ наиболѣе отдаленному отъ моря норвежскому жилищу, гдѣ намъ пришлось переночевать.

Отъѣхавъ немного отъ Боссекопа, мы проѣзжаемъ мимо высокаго и обширнаго дома старинной постройки, служившаго въ прежнее время резиденціею Финмаркенскаго Амтмана (губернатора) и нынѣ принадлежащаго католической духовной миссіи въ Гаммерфестѣ. Въ домѣ помѣщается домовая церковь и обширная школа, завѣдуемая учительницею, датчанкою. Прежде въ Альтенѣ постоянно проживалъ католическій священникъ, но нынѣ онъ пріѣзжаетъ изъ Гаммерфеста лишь на время школьнаго ученія и для совершенія богослуженія въ большіе праздники.

Католическая религія не соотвѣтствуетъ духу норвежскаго народа. Несмотря на старанія дѣльныхъ и достойныхъ священниковъ и на свободу религіозной пропаганды въ Норвегіи, альтенскій католическій приходъ насчитываетъ лишь около 20 членовъ; всѣ они принадлежатъ къ наибѣднѣйшей части населенія и почти поголовно получаютъ отъ своихъ духовныхъ руководителей матеріальную помощь, которая, по утвержденію нѣкоторыхъ противниковъ католицизма, играетъ немаловажную роль въ выборѣ ихъ исповѣданія.

Слѣдуя далѣе, мы достигаемъ рѣки Альтенъ, на берегу которой расположено большое (около 400 душъ) селеніе Эльвебаккенъ, почти сплошь заселенное финляндцами и офинляндившимися норвежцами. Норвежскій геологъ и писатель д-ръ Рейшъ, посѣтившій Эльвебаккенъ въ 1891 г., говоритъ [1]),

[1]) H. Reusch. Folk og Natur i Finmarken, Christiania, 1895. pag. 5.

что онъ чувствовалъ себя тамъ какъ-бы въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Миновавъ Эльвебаккенъ и переправившись на паромѣ черезъ рѣку Альтенъ, мы вскорѣ вступили въ долину рѣки Тверэльвенъ, въ глубинѣ которой и лежалъ поселокъ норвежца Пера Торгерсена, у котораго мы должны были ночевать.

Въ прежнее время норвежцы жили въ Альтенскомъ фіордѣ лишь на самомъ морскомъ берегу, занимаясь исключительно рыбными промыслами. Начавшіе лѣтъ 100 тому назадъ выселяться въ Финмаркенъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, финляндцы доказали мѣстному населенію возможность безубыточно вести въ окрестностяхъ Альтена сельское, главнымъ образомъ молочное, хозяйство. По примѣру финляндцевъ, многія норвежскія семьи стали селиться въ славящемся богатствомъ своей растительности Альтенскомъ округѣ и устраивать свое хозяйство такъ, чтобы не зависѣть всецѣло отъ морскихъ рыбныхъ промысловъ, какъ зависятъ всѣ прибрежные обитатели Финмаркена.

Благодаря этому жители Альтенскаго прихода держатъ лошадей, овецъ и молочный скотъ, разводятъ картофель и другія, наименѣе подверженныя дѣйствію морозовъ огородныя растенія и, вообще, живутъ нѣсколько зажиточнѣе и домовитѣе остальныхъ финмаркенскихъ жителей.

Въ недавнее еще время финскій элементъ былъ настолько силенъ въ Альтенѣ, что денаціонализировалъ новоприбывающихъ норвежскихъ поселенцевъ. Заслуживающія полнаго довѣрія норвежскія власти передавали мнѣ, что не далѣе какъ въ восьмидесятыхъ годахъ финскій языкъ былъ модньмъ нарѣчіемъ даже среди норвежской части населенія, и что дѣти норвежскихъ поселенцевъ легче изъяснялись по фински, нежели по норвежски.

Но за послѣдніе годы значеніе финскаго элемента въ Финмаркенѣ стало замѣтно ослабѣвать подъ вліяніемъ почти

тридцатилѣтней систематической правительственной работы. Норвежскія власти своевременно усмотрѣли значеніе финляндской иммиграціи и постоянное ея возрастаніе и, оцѣнивъ по достоинству неудобства, проистекающія отъ образованія на окраинахъ государства крупныхъ колоній изъ чуждаго господствующей національности элемента, приняли соотвѣтствующія мѣры, повелшія къ почти полной пріостановкѣ наплыва въ сѣверную Норвегію финляндскихъ выходцевъ.

Въ ряду этихъ мѣръ главнѣйшею является изданіе законовъ, 22-го Іюня 1863 года объ отчужденіи казенной земли въ провинціи Финмаркенъ и отъ 21 Апрѣля 1888 года о пріобрѣтеніи правъ норвежскаго подданства, или, вѣрнѣе, норвежскаго гражданства (Lov om statsborgerret).

Въ Финмаркенѣ почти вся свободная земля принадлежитъ государству и до начала шестидесятыхъ годовъ не было никакихъ ограничительныхъ правилъ для ея отчужденія или отвода въ частное пользованіе. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались финляндскіе выходцы: облюбовавъ какую нибудь мѣстность, они поселялись тамъ и предъявляли затѣмъ требованіе объ отводѣ имъ необходимаго для ихъ хозяйства земельнаго участка. Между тѣмъ, норвежская администрація не имѣла въ то время, по силѣ общаго законодательства, законныхъ основаній къ отказу въ продажѣ или сдачѣ въ долгосрочную аренду казенныхъ пустопорожнихъ земель.

Такимъ образомъ безпрепятственно совершалось въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ, но съ непрестанною послѣдовательностью, заселеніе Финмаркена финляндскими выходцами, которые, слѣдуя своимъ національнымъ наклонностямъ, селились вмѣстѣ и старались образовывать отдѣльныя, тѣсно сплоченныя, сельскія единицы.

Несмотря на единство религіи, на общность современныхъ культуръ скандинавской и финляндской и, вопреки открыто исповѣдуемымъ норвежцами симпатіямъ къ политическимъ судьбамъ Финляндіи, усиленіе финляндскаго земле-

владѣнія въ Финмаркенѣ было встрѣчено въ Норвегіи весьма несочувственно. Являясь, за нѣкоторыми конечно исключеніями, весьма полезнымъ для края экономическимъ элементомъ, финляндцы возстановили противъ себя властей и общество свою традиціонною склонностью къ обособленности и нежеланіемъ ассимилироваться съ мѣстнымъ населеніемъ.

Норвежское правительство, съ своей стороны, признало вреднымъ образованіе на окраинахъ государства, въ пограничныхъ областяхъ, «иностранныхъ колоній» и полагало необходимымъ принять мѣры къ охранѣ. Результатомъ агитаціи противъ финляндской иммиграціи было вотированіе Стортингомъ вышеупомянутаго закона 22-го Іюня 1863 г., уполномочившаго Короля установить обязательныя правила для продажи казенныхъ земель въ Финмаркенѣ.

На основаніи этого закона вопросъ объ отчужденіи казенныхъ земельныхъ угодій регулировался рядомъ королевскихъ резолюцій.

Резолюція 2 Іюля 1864 г. запрещаетъ продавать землю или отводить участки подъ постройки въ Альтенскомъ приходѣ, въ долинѣ рѣки Таны и въ иныхъ, наиболѣе пригодныхъ для поселенія мѣстностяхъ Финмаркена.

Что касается отчужденія казенной земли въ остальныхъ частяхъ названной провинціи, то вопросъ этотъ поручено было обслѣдовать на мѣстахъ особымъ коммиссіямъ (т. н. объѣздныя коммиссіи, описавшія и измѣрившія всѣ годныя для культуры пространства, расположенныя вблизи моря или по теченію всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ), заключенія коихъ были утверждены и приняты къ руководству Департаментомъ Финансовъ, согласно полномочію, данному въ Королевской резолюціи 28 Марта 1874 г.

Установленный порядокъ былъ вскорѣ вновь подвергнутъ нѣкоторому измѣненію правилами, содержащимися въ Королевской Резолюціи 6 Мая 1876 года. Этотъ послѣдній актъ отмѣнилъ безусловное воспрещеніе отчуждать казенную землю

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ напримѣръ въ приходахъ Альтена, Карашока и т. д.) и предоставилъ подлежащему вѣдомству опредѣлять, въ соображеніи съ мѣстными условіями, площадь заповѣдныхъ пространствъ. Высшая губернская власть чрезвычайно осторожно воспользовалась даннымъ правомъ, и случаи отчужденія казенной земли въ періодъ времени съ 1876 г. по 1895 г. весьма рѣдки. При этомъ замѣчается, что почти всѣ отчужденныя за указанное время земли отведены не мѣстнымъ финмаркенскимъ жителямъ (хотя бы чисто норвежскаго происхожденія), но пришлымъ съ юга Норвегіи поселенцамъ. Мнѣ объяснили такое предпочтеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ глазахъ Норвежскаго Правительства финмаркенскіе жители страдаютъ недостаткомъ національнаго чувства и индиферентизмомъ въ политическихъ вопросахъ. Такое объясненіе косвенно подтверждается отзывомъ о политическомъ духѣ финмаркенцевъ вышеупомянутаго писателя Рейша, въ силу своего офиціальнаго положенія постоянно вращавшагося, во время своего непродолжительнаго пребыванія на сѣверѣ, среди мѣстныхъ административныхъ круговъ.

Резолюція 1876 г. содержитъ одно новое, для иностранныхъ поселенцевъ весьма важное постановленіе о томъ, что всякое, пріобрѣтающее отъ казны землю, лицо обязуется за себя, а также отъ имени своихъ наслѣдниковъ и будущихъ владѣльцевъ не продавать пріобрѣтеннаго земельнаго участка, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія амтмана, и не отдавать въ наемъ своей собственности или допускать къ пользованію оной, въ какой бы то ни было формѣ, посторонникъ лицъ, безъ дозволенія подлежащей власти.

За нарушеніе этого правила, очевидно направленнаго къ воспрепятствованію перехода земельныхъ участковъ въ не норвежскія руки, отбирается въ казну земля со всѣми могущими оказаться на оной постройками.

Наконецъ, послѣднимъ (до 1895 г.) ограничительнымъ

законодательнымъ актомъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія иностранцами земельной собственности въ Финмаркенѣ является Королевская Резолюція 4 Августа 1879 г., нѣсколько измѣняющая постановленія предъидущихъ резолюцій 1864, 1874 и 1876 годовъ.

Всѣ эти акты имѣли послѣдствіемъ, какъ выше упомянуто, затормазить финляндскую иммиграцію и въ корнѣ подрѣзать экономическое благостояніе новопоселенцевъ, лишивъ ихъ земельной осѣдлости, къ которой они, въ силу привычки и предыдущаго образа жизни, были наиболѣе склонны и способны.

Парламентскіе документы ясно свидѣтельствуютъ, что при изданіи вышеуказаннаго ряда законодательныхъ постановленій Норвежское Правительство главнымъ образомъ имѣло въ виду ослабить чужія національности на своей сѣверной окраинѣ и усилить тамъ норвежскій элементъ. Въ 1866 году Стортингъ, согласно представленію Протокольнаго Комитета, обратилъ вниманіе Правительства на усиливающійся приливъ финляндцевъ въ Финмаркенъ и выразилъ при этомъ желаніе о томъ, чтобъ *«это дѣло не было предоставлено своему собственному развитію»*. Среди документовъ, относящихся до резолюціи 1878 г., находится записка Департамента Финансовъ, въ которой, между прочимъ, говорится, что съ 1868 г. принимались мѣры къ привлеченію способныхъ норвежскихъ поселенцевъ въ сѣверныя пограничныя мѣстности и къ тому, «чтобы держать эти мѣстности свободными» (holde fri) отъ финляндскихъ выходцевъ.

Законъ 21 Апрѣля 1888 г. о норвежскомъ подданствѣ окончательно разрѣшилъ вопросъ объ иностранномъ землевладѣніи въ Норвегіи вообще и въ Финмаркенѣ въ частности. Статья IX закона воспрещаетъ иностраннымъ подданнымъ не только пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ Норвегіи, но и пользованіе ею.

Такимъ образомъ, излишними оказались законодательныя мѣры, направленныя къ ограниченію иностраннаго землевладѣнія, такъ какъ иностранецъ, въ силу самаго своего

состоянія иностраннаго подданнаго, лишенъ права владѣть въ Норвегіи землею или арендовать таковую. Вслѣдствіе этого, вскорѣ послѣ изданія закона 1888 г., многія сельскія общины Финмаркена стали возбуждать ходатайства объ отмѣнѣ воспрещенія объ отчужденіи или отдачѣ въ долгосрочную аренду казенныхъ земельныхъ участковъ.

Разрѣшеніе этого вопроса взяло много времени и лишь 1 Іюня 1895 года послѣдовала новая Королевская Резолюція, уполномочивающая подлежащія власти продавать съ аукціона или по частному соглашенію казенныя земли и сдавать въ аренду какъ самыя земли, такъ и нѣкоторыя отдѣльныя оброчныя статьи.

Санкціонированныя помянутою резолюціею правила устанавливаютъ весьма практичный порядокъ продажи и сдачи въ аренду земельныхъ участковъ. Означенныя правила направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы земли переходили исключительно къ норвежскимъ подданнымъ, чтобъ отводъ участковъ производился не во вредъ казенному лѣсному хозяйству и чтобы размѣръ отводимыхъ участковъ не превышалъ размѣра дѣйствительныхъ потребностей каждаго отдѣльнаго хозяйства. Какъ на характерную подробность, укажу на требованіе, чтобы вновь создаваемымъ усадебнымъ осѣдлостямъ (gaard) давались норвежскія имена.

Не желая уклоняться отъ темы моихъ бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, я не стану распространяться здѣсь о законѣ о подданствѣ 1888 года и о тѣхъ невыгодахъ и стѣсненіяхъ, которыя причинилъ этотъ законъ нѣкоторой части финляндскихъ поселенцевъ, и возвращусь къ описанію моего пути.

Перъ Торгерсенъ, норвежскій поселенецъ, у котораго мнѣ пришлось ночевать передъ выступленіемъ въ горы, крѣпко сложенный старикъ, поселился на этихъ мѣстахъ въ 1846 г. Въ то время окрестные лѣса изобиловали медвѣдями и Тор-

герсенъ, желая, по норвежскому обычаю, дать имя своему поселку, назвалъ его медвѣжьимъ мѣстомъ («Björnstad»).

Перу Торгерсену, при проѣздѣ моемъ, былъ 81 г. отъ роду, а женѣ его — 74 года. Ихъ семья состоитъ изъ 4 дочерей и одного сына.

Поселокъ Торгерсена, довольно широко раскинувшійся почти на берегу горной рѣчки Тверельвенъ, состоитъ изъ двухъ-этажнаго жилаго дома и довольно большихъ надворныхъ строеній: работницкой, скотнаго двора, амбара и экипажнаго сарая. На скотномъ дворѣ стояло 4 коровы и двѣ лошади.

Торгерсенъ постоянно занимался своимъ сельскимъ хозяйствомъ, не отлучаясь на морскіе рыбные промыслы. По его собственному признанію, онъ послѣ 48-лѣтней усиленной работы, не составилъ себѣ денежнаго капитала, но успѣлъ значительно обстроиться и увеличить цѣнность хозяйственнаго инвентаря и живетъ безбѣдно изъ года въ годъ.

Переночевавъ у Торгерсена, я на другой день, рано утромъ двинулся въ дальнѣйшій путь, подъ проливнымъ дождемъ, который почти непрерывно сопутствовалъ мнѣ во все время моей поѣздки.

Кромѣ меня, мой караванъ состоялъ изъ проводника, Пера Клеменса и его подручнаго, мальчика лопаря 11 лѣтъ, приходившагося ему племянникомъ. Съ нами были двѣ лошади; одна верховая для меня, а другая вьючная. Лопари были одѣты въ свой національный костюмъ: широкія куфты — блузы, изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна со стоячими высокими воротниками, при очень широкомъ воротѣ, дѣлавшемъ весьма умѣстнымъ тотъ вязаный шерстяный шарфъ, которымъ лопари постоянно обматываютъ свое горло. Плотно перетянувшись широкимъ поясомъ, лопари вытаскиваютъ свою куфту къ верху, такъ что она падаетъ складками спереди и сзади, и во время пути служитъ обширнымъ вмѣстилищемъ для всякаго рода предметовъ. Лопари имѣютъ при-

вычку засовывать свои руки для согрѣванія въ имѣющійся спереди разрѣзъ. Эта поза, вмѣстѣ съ оттопыренностью блузы, придаетъ имъ жалкій, горбатый видъ. На ногахъ у нихъ очень узкіе штаны, внизу плотно прикрѣпленные самотканною тесьмою къ обуви, называемою нашими лопарями каньгами. Каньги, мѣстная лопарская обувь есть просторные кожанные башмаки безъ твердой подошвы, наполняемые спеціально приготовленнымъ сѣномъ изъ одной мѣстной болотистой травы. По отзыву лицъ, знакомыхъ съ этою обувью, она незамѣнима для лопарскихъ тундръ; мягкая подошва, воспринимая всѣ рельефы мѣстности, даетъ возможность карабкаться по самымъ крутымъ скатамъ, а сѣно предохраняетъ ноги отъ камней, грѣетъ ихъ и сушитъ, когда онѣ промочены. На головѣ у моихъ проводниковъ были высокія шапки съ широкимъ краснымъ раструбомъ, напоминающія польскія конфедератки.

Чтобъ достичь Карашока, мнѣ предстояло сдѣлать верхомъ 16 норвежскихъ миль (176 километровъ) горами до м. Ассибакте, лежащаго на берегу рѣки Карашокъ, а оттуда проплыть въ лодкѣ 2 мили. Разстоянія эти никогда не были измѣрены инструментально, но, судя по числу часовъ ѣзды, они должны быть, въ общемъ, вѣрны. Зимняя, санная дорога нѣсколько короче, ибо она пролегаетъ черезъ озера и болота, которыя лѣтомъ приходится обходить.

Маленькій нашъ спутникъ, съ виду весьма тщедушный мальчикъ, не только совершилъ весь переходъ пѣшкомъ, нисколько не отставая отъ насъ, но еще исполнялъ, на привалахъ всѣ порученія проводника: носилъ воду, собиралъ топливо, бѣгалъ за далеко отошедшими лошадьми и т. д.

Такое злоупотребленіе молодыми силами есть обычное явленіе среди лопарей, никогда не размѣряющихъ ни своихъ собственныхъ силъ, ни силъ своихъ дѣтей, и послѣ самаго продолжительнаго бездѣйствія сразу переходящихъ на долгій, изнурительный трудъ. Это неблагоразуміе не проходитъ, ко-

нечно, даромъ; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отдаленность отъ городовъ спасаетъ населеніе отъ пагубнаго вліянія кабаковъ и гдѣ естественныя условія обезпечиваютъ ему извѣстную степень благосостоянія, лопари все же зачастую являются физически вырождающимся народомъ. Небольшаго роста, съ характернымъ рахитическимъ искривленіемъ ногъ и съ мало развитою грудною клѣткою, лопари недолговѣчны и обыкновенно кончаютъ скоротечною чахоткою. Въ 40 лѣтъ они выглядываютъ совершенными стариками, а люди въ 60 лѣтъ составляютъ рѣдкія исключенія.

Не вдаваясь въ подробное описаніе моего пути, я замѣчу лишь, что онъ почти вплоть до Ассибакте отличается большимъ однообразіемъ, которое для меня усиливалось почти непрерывнымъ дождемъ и туманомъ, густо закрывавшимъ горизонтъ.

Тотчасъ отъ поселка Торгерсена начинается подъемъ, затѣмъ дорога круто спускается на нѣкоторое время въ долину рѣки Тверэльвенъ. Это мѣсто дороги одно изъ наиболѣе живописныхъ: долина съуживается и превращается въ горное ущелье съ высоко нависшими надъ нашими головами скалами. Мы спускаемся совсѣмъ къ рѣкѣ, такъ что лошади одно время ступаютъ въ водѣ. Достигнувъ подошвы высокой горы Буэла Найвэ (по лопарски—горѣлая голова), мы начинаемъ почти двухчасовой тяжелый подъемъ сначала черезъ рѣдкій березовый кустарникъ, а потомъ среди нагроможденныхъ въ безпорядкѣ камней.

Перъ исчезаетъ на нѣкоторое время и потомъ возвращается съ оттопыренною спереди куфтою. «Что ты набралъ»? спрашиваю я. «Растопку», отвѣчаетъ онъ. Оказалось, что онъ надралъ березовой коры, которая и служила намъ всю дорогу для растопки костровъ и печекъ въ избахъ, въ которыхъ мы ночевали. Кору онъ несъ за пазухою, чтобы она лучше просохла. Безъ этой, внушенной опытомъ, предусмотрительности намъ плохо бы пришлось, ибо тотъ ивнякъ и

березнякъ, которымъ намъ пришлось впослѣдствіи разводить огонь, былъ такъ тонокъ, что не давалъ коры. Взобравшись на вершину горы Буэла Найвэ, мы двигаемся по лишеннымъ всякой растительности, кромѣ моха и нѣкоторыхъ, наиболѣе выносливыхъ травъ, тундрамъ [1]). При этомъ мы то поднимаемся, то опускаемся по покрытымъ мелкими и крупными валунами возвышенностямъ, между которыми, въ ложбинахъ, отъ таявшихъ снѣговъ образовались, вслѣдствіе каменистой подпочвы, вѣковыя болота, по окраинамъ которыхъ ютится нѣкоторая растительность,—осока и другія болотныя травы. Взоръ отдыхаетъ на ихъ зелени отъ грустнаго сѣраго тона безконечныхъ каменистыхъ пространствъ.

Путешествіе весьма монотонное: видишь предъ собою голую возвышенность, взбираешься на нее, чтобы увидать у подножія ея болото, а за нимъ другую однородную возвышенность съ новымъ болотомъ позади. И такъ до безконечности.

Однообразіе пути увеличивается съ одной стороны необходимостью не удаляться отъ каравана, въ виду незнанія дороги и невозможности ѣхать рысью среди нагроможденныхъ валуновъ, а съ другой тѣмъ обстоятельствомъ, что мой проводникъ Перъ Клеменсъ съ трудомъ изъяснялся по норвежски, и вообще оказался, хотя весьма услужливымъ и знающимъ мѣстность, но довольно ограниченнымъ малымъ. Поэтому разговоръ съ нимъ заключался въ отрывочныхъ фразахъ. Сподручный мальчикъ обнаруживалъ въ своихъ быстрыхъ глазахъ гораздо болѣе живой умъ, но упорно отказывался изъясняться на норвежскомъ языкѣ, несмотря на то, что ходитъ уже двѣ зимы въ норвежскую школу.

Въ пути мнѣ пришлось лично убѣдиться въ замѣчательной способности лопарей ориентироваться въ своихъ тунд-

[1]) Во всей Лапландіи тундрами называются безлѣсныя, каменистыя горы, а не плоскія, болотистыя пространства, какъ въ нашихъ учебникахъ географіи.

рахъ. Идя безъ компаса и карты по чрезвычайно однообразнымъ мѣстностямъ, мой проводникъ ни разу не колебался, не мѣнялъ направленія и постоянно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ мы находились. Эта способность оріентироваться зависитъ не только отъ удивительной памяти на мѣста, но и отъ того обстоятельства, что всѣ урочища, хотя сколько нибудь значительныя возвышенности, камни, ручейки и т. п. носятъ среди лопарей свои, часто весьма мѣткія, названія и имѣютъ каждый свою исторію. У лопарей существуетъ, если можно такъ выразиться, изустная топографія мѣстности.

Впрочемъ, путь изъ Альтена въ Карашокъ является почтовымъ трактомъ, по которому разъ въ недѣлю отправляется почта въ оба направленія.

Подрядъ перевозки почты сдается лопарямъ за баснословно дешевую плату. Въ прежнее время лѣтомъ два лопаря на своихъ спинахъ носили почтовыя сумки. Но съ увеличеніемъ почтовой корреспонденціи, съ одной стороны, и съ развитіемъ благосостоянія среди лопарскаго населенія, съ другой, — лопарскіе почтари стали употреблять вьючныхъ лошадей. Это обстоятельство, по увѣренію моего проводника, справедливость коего я имѣлъ скоро случай провѣрить, портитъ переправу черезъ болота, состоящія изъ отдѣленныхъ другъ отъ друга топкими ямами торфяныхъ кочекъ, которыя скоро разбиваются отъ перескакиванія по нимъ лошадей.

Часа за два или за три до прихода на ночлегъ мы пріостановились на возвышенности, которую мой проводникъ назвалъ Цаудни. Подъ ногами нашими начинался довольно крутой спускъ и разстилалась огромная равнина, на востокѣ бѣлѣлись снѣжныя вершины горъ, окаймляющихъ Порсангерскій заливъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы мы находились на такой высотѣ. Видъ отсюда въ ясный день, говорятъ, великолѣпенъ, но, къ сожалѣнію, погода и здѣсь мнѣ не

благопріятствовала: дождь замыкалъ сѣрою пеленою весь горизонтъ, а надъ равниною стояло море тумана.

Мы начали спускаться по скользкой отъ дождя отлогости и, незадолго до захода солнца, прибыли послѣ форсированнаго и, утомительнаго перехода, съ однимъ лишь полуторачасовымъ приваломъ, къ мѣсту нашей ночевки—почтовой избушкѣ Буойабески.

Норвежское правительство, въ видахъ облегченія сообщеній въ безлюдныхъ и дикихъ мѣстахъ Лапландіи, выстроило по всѣмъ направленіямъ, служащимъ путями сообщенія между населенными центрами, рядъ избъ для отдыха и убѣжища проѣзжающихъ. Насколько необходимы въ Финмаркенѣ, даже въ лѣтнее время, подобныя убѣжища, доказывается трагическимъ случаемъ съ двумя проводниками, погибшими въ Іюлѣ 1895 г. отъ холода въ горахъ по дорогѣ между Альтеномъ и Каутокейно; одинъ изъ нихъ замерзъ на пути, а другой добрался до казенной избы, но, истощенный борьбою со снѣжною вьюгою, не имѣлъ силъ развести огня и умеръ у холоднаго очага.

Изба въ Буойабески представляется первобытною постройкою весьма небольшихъ размѣровъ и ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ норвежскихъ казенныхъ избъ, которыя мнѣ впослѣдствіи пришлось видѣть. Продолговатый, шаговъ шесть въ ширину и шаговъ пять въ глубину, бревенчатый срубъ поставленъ прямо на землю, потолка нѣтъ и высота отъ земляного пола до покрытой сверху торфомъ досчатой крыши разсчитана лишь на человѣческій ростъ; въ длинной стѣнѣ, противъ входной двери, прорублено маленькое окно. По бокамъ отъ входа устроены низкія нары: одна пошире и во всю длину стѣны, а другая поуже и покороче; у конца этой послѣдней, въ ближайшемъ ко входу углу, устроена маленькая чугунная печка (камфорка по поморски) съ грубо выведенною изъ камня дикаря трубою. Убранство избы дополнялось столомъ и длинною скамейкою.

Изба Буойабески была расположена на маленькой, поросшей ивнякомъ лужайкѣ, на берегу небольшаго ручья и у подножія защищающаго ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ холма, на южномъ склонѣ котораго ютилась довольно густая поросль полярной березы. При постройкѣ подобныхъ избъ всегда стараются сочетать слѣдующія условія: защищенное мѣсто, близость воды и топлива и наличность вокругъ подножнаго корма (травы на лѣтнихъ и оленьяго моха на зимнихъ трактахъ).

Около печи лежали заготовленныя предшествовавшими путниками миніатюрныя дрова. Мои проводники немедленно воспользовались ими, но, въ свою очередь, предъ выходомъ въ путь, нарубили и сложили въ избѣ новый запасъ топлива. Этотъ чрезвычайно практичный обычай свято соблюдается въ Лапландіи и избавляетъ усталаго и прозябшаго путника отъ траты времени на собираніе и растапливаніе сырыхъ дровъ.

Когда, на другой день рано утромъ, я проснулся, то обратилъ вниманіе на доносившійся черезъ дверь странный сухой трескъ. Оказалось, что мы окружены большимъ стадомъ оленей, принадлежавшихъ, какъ мнѣ объяснилъ Клеменсъ, Каутокейнскимъ лопарямъ. Робкія, но любопытныя животныя подобрались къ самой избѣ, обнюхивали наши сѣдла и заглядывали въ дверь. Я притаился у порога, любуясь этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ, но скоро вдали послышалось тявканіе приближающейся собаки и олени быстро разбѣжались. Позднѣе пришелъ одинъ изъ лопарей, грубой, дикой внѣшности, съ рыжими, всклокоченными волосами. Онъ попросилъ угостить его водкою, но, когда я отказался, ссылаясь на неимѣніе съ собою спиртныхъ напитковъ, то онъ удовольствовался щепоткою табака. Угощеніе не смягчило кочевника и онъ ушелъ такимъ же суровымъ и непривѣтливымъ, какимъ пришелъ, сопровождаемый своими двумя собаками, тоже рыжими и тоже недовѣрчиво угрюмыми.

Поспѣшно собравшись, мы вышли изъ Буойабески и послѣ перехода, который показался мнѣ длиннѣе и утомительнѣе предъидущаго, достигли, при наступавшей темнотѣ, слѣдующей казенной избы Стипанауче, расположенной въ дикомъ горномъ ущельѣ на берегу потока того же имени. Спускъ въ это ущелье по каменистымъ, скользкимъ скаламъ весьма крутъ и требуетъ привычныхъ къ горнымъ тропинкамъ лошадей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменный карнизъ, по которому мы слѣдовали, былъ такъ узокъ, что еслибъ я захотѣлъ сойти съ сѣдла, то не могъ бы сдѣлать этого.

По своей постройкѣ изба Стипанауче ничѣмъ не отличается отъ предшествовавшей избы Буойабески, но утварь ея дополнялась хорошимъ жестянымъ ведромъ. Вокругъ Стипанауче совсѣмъ нѣтъ травы, и голодныя лошади не выдерживаютъ здѣсь долгой стоянки и иногда убѣгаютъ въ горы, гдѣ розыски ихъ бываютъ сопряжены съ большими затрудненіями.

Какъ только мы улеглись, поднялась настоящая буря; вѣтеръ налеталъ изъ ущелья на нашу избушку какими-то странными порывами съ шумомъ мчащагося на всѣхъ парахъ желѣзнодорожнаго поѣзда. Среди ночи мои лопари проснулись, встревоженные тѣмъ, что не слышно было колокольцевъ нашихъ лошадей. Они бросились ихъ искать и привели ихъ обратно, проблуждавъ около часа. Перъ въ темнотѣ оборвался въ потокъ и ушелъ въ воду по поясъ. Мокрый и продрогшій вернулся онъ въ избу, гдѣ было вовсе не тепло, такъ какъ холодный воздухъ свободно врывался въ разбитое стекло окошка, но не развелъ огня, ссылаясь на усталость. Онъ долго ворочался, щелкая зубами отъ холода, а я лежалъ въ темнотѣ съ открытыми глазами и размышлялъ о томъ, какъ незавидна жизнь лопаря, даже осѣдлаго.

Какъ только разсвѣло, мы начали, несмотря на усталость, собираться въ дальнѣйшій путь. Передъ выходомъ лопари, по своему обычаю, тщательно затушили огонь въ печкѣ

и прибрали избу; выливъ оставшуюся въ ведрѣ воду, они поставили его кверху дномъ въ уголъ, гдѣ оно прежде стояло. Такое не разъ мною подмѣченное вниманіе и добросовѣстное отношеніе лопарей и норвежцевъ къ никѣмъ не охраняемымъ предметамъ общаго пользованія (избамъ, накатникамъ вдоль рѣчныхъ пороговъ, лодкамъ и т. д.), конечно, свидѣтельствуетъ объ извѣстной степени развитія этихъ людей.

Стыдно становится при сравненіи подобнаго отношенія съ поведеніемъ нашихъ поморовъ при подобныхъ обстоятельствахъ на Мурманѣ. Печальнымъ памятникомъ безшабашности нашего сѣверянина является стоящій въ Кольскомъ заливѣ домъ, выстроенный Товариществомъ Архангельско-Мурманскаго Пароходства для ожидающихъ раннею весною парохода пассажировъ; проѣзжими рыбопромышленниками изрублены на дрова не только половицы домовъ, но, даже, оконныя рамы, несмотря на то, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома растетъ густой березнякъ, могущій дать хорошее топливо.

Тотчасъ по выходѣ изъ избы Стипанауче приходится переходить потокъ, имя котораго она носитъ, Стипанъ ауче (ауч—ручей, потокъ). Онъ не великъ, но глубокъ и теченіе его, усиленное дождями, было очень порывисто, а потому переправа была не изъ самыхъ легкихъ. Лопари побѣжали куда-то вверхъ по теченію, и найдя узкое мѣсто, перебрались черезъ потокъ, перескакивая съ одного остраго камня на другой со своею чисто обезьяньею ловкостью. Не имѣя возможности продѣлать этотъ фокусъ, я предпочелъ переправиться въ бродъ на лошади.

Подойдя по противуположному берегу противъ того мѣста, гдѣ я оставался съ лошадями, Перъ перебросилъ мнѣ аркапъ, который я закрѣпилъ къ шеѣ вьючной лошади; лопари тянули за веревку, я подстегивалъ сзади, и лошадь, нехотя ступая, благополучно добралась до другаго берега. Наступила моя очередь. Лошадка моя бойко вошла въ воду, но, уступивъ

теченію, начала переправляться нѣсколько ниже, на менѣе благопріятномъ мѣстѣ. Нѣсколько разъ она спотыкалась, раза два оборвалась задними ногами въ невидимыя ямы, такъ что крупъ ея весь уходилъ въ воду. Высвободивъ ногу изъ стремянъ, я готовъ былъ соскочить съ сѣдла, но, къ счастью, этого не потребовалось и я достигъ берега не особенно измокнувъ, главнымъ образомъ благодаря моимъ высокимъ сапогамъ.

Отъ избы Стипанауче до слѣдующей остановки, поселка Гардинъ, считается двѣ норвежскія мили, но разстояніе это, вслѣдствіе дурнаго пути, кажется больше. Въ особенности непріятенъ былъ переходъ черезъ находящееся вблизи поселка высохшее болото: въ котловинѣ разбросаны большіе валуны, прежде, вѣроятно, лежавшіе на днѣ болота, а теперь покрытые густымъ слоемъ моха, закрывающимъ, какъ самые камни, такъ и всѣ образовавшіяся между ними щели и ямы. Несмотря на свое чутье и на всю свою осторожность, лопарская лошадь должна идти наугадъ по этому предательскому ковру. Даже удачно ступивъ на камень, лошадь не всегда на немъ можетъ удержаться, такъ какъ верхній слой моха легко скользитъ съ него. Спотыкаясь и обрываясь то одной, а то и тремя ногами сразу, лошади успѣли, однако, счастливо преодолѣть препятствіе. Мѣстами разсѣлины были столь глубоки, что, при провалѣ лошади, я стременами касался ближайшихъ камней.

Миновавъ это опасное мѣсто и пройдя черезъ жидкую рощицу изъ березъ въ человѣческій ростъ, мы увидали внизу, у сильно журчащаго ручья, крыши поселка Гардинъ, изъ котораго къ намъ уже неслись на встрѣчу злыя лопарскія собаченки.

Въ поселкѣ проживаетъ одинокая лопарская вдова Равна, получающая отъ почтоваго вѣдомства небольшую годовую плату съ обязательствомъ оказывать гостепріимство какъ лопарскимъ почталіонамъ, такъ и вообще всѣмъ проѣзжающимъ лицамъ, которыхъ здѣсь бываетъ довольно много, такъ

какъ въ Гардинѣ сходятся зимній и лѣтній пути. Большая изба старухи Равны раздѣляется сѣнями на двѣ половины— жилую и чистую, для проѣзжающихъ норвежцевъ; чистая половина была обширна и содержалась опрятно; на двухъ широкихъ, густо устланныхъ нарубленными березовыми вѣтками и накрытыхъ оленьими шкурами нарахъ безъ труда могутъ помѣщаться 8 человѣкъ. Равна быстро развела огонь въ большой, приспособленной и для варки пищи, чугунной печкѣ и сняла съ полки элементарную, но въ порядкѣ содержимую посуду, служащую спеціально для проѣзжающихъ.

Поселокъ Гардинъ расположенъ на обширномъ, покрытомъ густою травою лугѣ. Пастбище здѣсь настолько велико, что даетъ возможность вдовѣ Равна держать нѣсколько коровъ и овецъ. Въ глаза бросается большое количество разбросанныхъ вокругъ избы маленькихъ амбаровъ. Изъ разспросовъ я узналъ, что большинство изъ нихъ принадлежитъ кочевымъ лопарямъ Карашокскаго погоста, оставляющимъ въ нихъ, подъ охраною вдовы Равна, свой излишній скарбъ.

Равна считается зажиточною женщиною: у нея нѣсколько головъ скота и не мало, по лопарскимъ понятіямъ, разнаго добра; къ тому же у ней находится на храненіи имущество нѣсколькихъ семействъ. Она живетъ совершенно одиноко; зимою до ближняго жилаго мѣста, Карашока слишкомъ 40 километровъ. Но нравы въ скандинавской Лапландіи столь мирны и общественная безопасность столь велика, что эта маленькая, тщедушная старушка, со сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, круглымъ лицомъ, не знаетъ чувства страха и въ зимнюю непроглядную ночь безъ опасенія бросается отпирать дверь на стукъ запоздавшаго путника.

Послѣ двухчасовой остановки мы вышли изъ поселка Гардинъ, желая достигнуть м. Карашокъ до наступленія темноты. Перейдя не безъ труда лежащее вблизи отъ Гардинъ, обширное и весьма топкое болото, мы почти не переставали

вплоть до м. Ассибакте, на берегу рѣки Карашокъ, слѣдовать среди лѣсной поросли, которая, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, становилась все гуще и выше.

Приблизительно за часъ до долины рѣки Карашокъ мы очутились на вершинѣ, поросшей прекраснымъ, давно мною невиданнымъ, лѣсомъ съ хвойными и лиственными породами горы Іешь-Вара (если не ошибаюсь, у норвежскихъ лопарей, также какъ и у русскихъ, подъ словомъ вара подразумѣвается поросшая лѣсомъ гора).

Съ этого мѣста начинается непрерывный спускъ среди густаго лѣса со множествомъ протоптанныхъ оленьими стадами тропинокъ. Не сбиваясь въ этомъ лабиринтѣ, лопари ускоряютъ шагъ и ежеминутно подгоняютъ усталыхъ лошадей, часто скользящихъ на размытомъ дождями грунтѣ и спотыкающихся объ обнаженные корни большихъ деревьевъ. Приходится подбирать ноги, безпрестанно задѣвающія за стволы тѣсно растущихъ деревьевъ и пригибаться къ сѣдлу, чтобъ не удариться головою о низко опустившіяся вѣтви.

Дойдя до низа горы, мы очутились на безлѣсной возвышенной площадкѣ, откуда открывался чудный видъ на долину рѣки Карашокъ, разстилавшейся подъ нами у подножія громаднаго песчанаго обрыва. На самой рѣкѣ, подъ нашими ногами раскинулся лѣтній поселокъ Ассибакте, со своими низенькими хатами, сложенными изъ почернѣвшихъ отъ времени крупныхъ бревенъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Ассибакте найдено было въ землѣ старинное оружіе и посуда. Норвежцы утверждаютъ, что это остатки лагеря русскихъ мародеровъ. Чье бы ни было это оружіе, оно несомнѣнно относится къ той отдаленной эпохѣ, когда почти не прекращались войны и разбои между подвластными Россіи, Даніи и Швеціи финскими племенами и когда набѣги ихъ были столь часты, что, по лопарскому изрѣченію, въ промежутокъ времени между ними, «некогда было сварить супа изъ оленины».

По обязательному постановленію Финмаркенскаго Губернскаго Совѣта, жители м. Карашокъ не имѣютъ права держать у себя дома свой скотъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе сего и образовался верстахъ въ двадцати отъ Карашока, въ мѣстности, отличающейся хорошими пастбищами, названный лѣтній поселокъ (погостъ) Ассибакте, куда перебираются, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ живымъ инвентаремъ, лопарки и неспособные къ труду лопари, и занимаются заготовленіемъ молочныхъ припасовъ на зиму въ то время, какъ остальное населеніе частью уходитъ на морскіе промыслы, частью ловитъ рыбу въ рѣкахъ.

Этотъ весьма практичный и согласованный съ мѣстными условіями порядокъ даетъ возможность лопарскому населенію Карашока держать значительно большее количество скота, нежели прежде, такъ какъ близь лежащіе покосы служатъ нынѣ для зимняго прокорма скота, тогда какъ въ прежнее время скотъ пасся лѣтомъ по близости, а зимою сѣно для него возилось издали, что представляло значительныя затрудненія и расходы для неимѣющихъ своихъ собственныхъ оленей осѣдлыхъ лопарей.

Во время нашего проѣзда черезъ Ассибакте, въ селеніи не было ни души. По объясненію моихъ проводниковъ, послѣдняя семья должна была покинуть погостъ дня за два до нашего пріѣзда. Видъ у проводниковъ былъ довольно уставшій, и, сильно прозябшій, я предложилъ имъ переночевать здѣсь, но они заявили, что предпочитаютъ поскорѣе добраться до дому и что гребля ихъ согрѣетъ. Не теряя поэтому времени на остановку, я проѣхалъ прямо къ лежащей на берегу у самой рѣки лодкѣ, на которой мы должны были продолжать путь; плоскодонная, легкая рѣчная лодка принадлежала къ типу, называемому въ Архангельской губерніи карбасами; весла и черпакъ аккуратно лежали на ея днѣ.

Покуда лопари спускали лодку на воду и перегружали багажъ, я заглянулъ въ окна нѣкоторыхъ изъ оставленныхъ

избъ; у одн҃ѣхъ изъ нихъ входныя двери были заперты на замокъ, а у другихъ лишь подперты коломъ. Въ избахъ лежали прялки, рыболовныя снасти, деревянная посуда для молока и т. д.; всѣ эти вещи оставлены до будущаго лѣта безъ всякаго опасенія за ихъ сохранность.

Когда я вернулся къ лодкѣ, солнце уже начало приближаться къ горизонту и лопари, не теряя ни минуты, разсѣдлали лошадей и, подвязавъ имъ колокольцы, отпустили ихъ на свободу. Потомъ они помогли мнѣ сѣсть въ лодку и, оттолкнувъ ее отъ берега, быстро погребли внизъ по теченію.

На мои разспросы о томъ, что станется съ лошадьми и когда за ними придутъ изъ Карашока, Перъ Клеменсъ отвѣчалъ, что лошади сейчасъ уйдутъ на лѣсныя пастбища, гдѣ ихъ почти нѣтъ возможности розыскать иначе, какъ по слѣду на снѣгу и что въ виду приближающейся распутицы, онѣ теперь не понадобятся ранѣе наступленія зимней дороги, такъ что ихъ пойдутъ искать лишь въ началѣ октября. Болѣе чѣмъ мѣсячное пребываніе лошадей въ лѣсахъ не представляется, по словамъ Пера, опаснымъ для нихъ, такъ какъ осеннія мятели и морозы не страшны для выносливыхъ лопарскихъ лошадей, а о волкахъ въ этихъ мѣстностяхъ нѣтъ и разговора.

Клеменсъ загребалъ, а мальчикъ, сидя на кормѣ лицомъ впередъ, правилъ, гребя отъ себя. Гребли они короткими и сравнительно широкими веслами по общему лопарскому способу, быстрымъ темпомъ, мало занося впередъ весла и лишь откидываясь слегка назадъ.

Рѣка течетъ скоро, но спокойно въ своемъ песчаномъ извилистомъ руслѣ; по временамъ мы проходимъ мимо ряда вбитыхъ во дно рѣки кольевъ, къ которымъ прикрѣпляютъ сѣти для лова семги. Эта рыба, приходя изъ моря въ началѣ мая, не только поднимается по всему теченію рѣки Таны, но идетъ для метанія икры вверхъ по рѣкамъ Анаріоку и Карашоку верстъ на 40—50. Семга достигаетъ

Карашока около 12/24 іюня, употребляя такимъ образомъ нѣсколько болѣе мѣсяца, чтобы пройти почти трехсотверстное разстояніе отъ моря. Она кладетъ икру съ 14 сентября до начала октября (нов. ст.) и иногда, чѣмъ-то задержанная, остается зимовать въ Анаріокѣ и Карашокѣ.

Въ рѣкѣ Карашокъ, какъ и въ Танѣ, неоднократно находили золото. Всего чаще попадается оно въ рѣкѣ Саддіокъ, впадающей въ Карашокъ верстъ на 90 выше мѣстечка того-же имени, гдѣ въ семидесятыхъ годахъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ производилась промывка песка. Дѣло было оставлено вслѣдствіе значительности расходовъ по производству и затруднительности сообщеній. Компетентные люди утверждаютъ, что сплюснутая форма золотыхъ зеренъ свидѣтельствуетъ о значительности залежей золота, части котораго попадаютъ въ Саддіокъ.

Говорятъ, въ рѣкѣ Карашокъ попадаются иногда жемчужныя раковины, но большею частію пустыя. Чаще находятъ жемчугъ въ пограничной съ Норвегіею рѣкѣ Анаріокъ, гдѣ въ прежнія времена производился за счетъ датскихъ королей правильный жемчужный промыселъ.

Уносимые теченіемъ, мы быстро спускались среди живописныхъ, лѣсистыхъ береговъ рѣки; горы отошли совсѣмъ въ даль, а на первомъ планѣ оказались невысокіе холмы, доходящіе до самой воды.

При всякомъ поворотѣ рѣки, холмы нѣсколько отдаляются, давая въ большинствѣ случаевъ мѣсто плоскому мысу съ богатымъ травянымъ покровомъ. Эти мысы являются наилучшими мѣстами для поселенія и оборудованія луговъ. Всѣ пригодные для поселенія, принадлежащіе казнѣ, участки по теченію рѣкъ Таны, Анаріокъ и Карашокъ измѣрены и описаны губернскимъ агрономомъ Нильсеномъ, командированнымъ въ 1893 году для собранія матеріаловъ по изученію вопроса о продажѣ казенныхъ земель.

Солнце уже сѣло и начинало быстро смеркаться, когда,

послѣ почти двухчасовой усиленной гребли, за крутымъ поворотомъ на западѣ открылся передъ нами сперва одинъ домъ, потомъ другой, а потомъ вдругъ сразу все мѣстечко Карашокъ.

Было почти совсѣмъ темно, когда я постучался въ домъ мѣстнаго Карашокскаго ленсмана г. Эвре. Съ благодарностью вспоминаю я о томъ радушномъ пріемѣ, который былъ мнѣ оказанъ его семействомъ и о томъ гостепріимствѣ, которымъ я пользовался въ этомъ домѣ и которое въ особенности цѣнно для лица, путешествующаго по лишенной всякихъ удобствъ Лапландіи.

Карашокъ расположенъ на мысѣ съ площадью приблизительно въ $^1/_3$ кв. километра. Въ 1893 г. здѣсь жило 35 лопарскихъ семействъ и на противуположномъ берегу 4 семейства. Изъ норвежцевъ здѣсь проживали пасторъ съ женою, ленсманъ (становой приставъ) съ семьею и холостой купецъ.

Къ сожалѣнію, во время моего пребыванія въ Карашокѣ мнѣ почти не пришлось видѣть его норвежскаго населенія: пасторъ съ женою находились въ Альтенѣ, ленсманъ на другой день по утру выѣхалъ въ Вадсэ, а купецъ былъ опасно боленъ, страдая послѣдствіями злоупотребленія спиртными напитками, отчего вскорѣ и умеръ. Моя неудача лишила меня возможности получить отъ сказанныхъ лицъ объясненія по интересующимъ меня вопросамъ.

Жилыя постройки Карашока разбросаны въ большомъ безпорядкѣ, причемъ, согласно лопарскому обычаю, вокругъ каждой изъ нихъ расположенъ рядъ клѣтушекъ и амбарчиковъ, стоящихъ на четырехъ столбахъ; почти каждый дворъ огороженъ; улицъ не существуетъ и, чтобы пройтись по селенію, приходится разбирать изгороди или перелѣзать черезъ нихъ. Дворы густо заросли травою и въ каждомъ

изъ нихъ имѣется колодезь съ длиннымъ шестомъ, служащимъ для поднятія бадьи, называемый на югѣ Россіи журавлемъ. Внутри домà отличаются большими размѣрами и свѣтомъ въ комнатахъ, снабженныхъ деревянными полами и чугунными печками — плитками. Въ большинствѣ домовъ родители имѣютъ самодѣльную деревянную кровать, дѣти же спятъ на полу. Говорятъ, что дома эти очень холодны зимою, что весьма вѣроятно; чугунныя печки грѣютъ лишь покуда топятся, а благодаря своимъ размѣрамъ, большимъ окнамъ и неплотному отдѣленію чердачнаго помѣщенія, комнаты должны быстро выстывать.

Карашокъ называется въ шутку норвежцами лопарскою столицею. Дѣйствительно, это селеніе является наиболѣе значительнымъ экономическимъ и отчасти умственнымъ центромъ норвежской Лапландіи. Населеніе карашокскаго прихода славится своею красотою и развитіемъ. Привыкнувъ къ жалкому старообразному виду малорослыхъ и чахлыхъ лопарей съ морскаго побережья, я былъ пораженъ ростомъ и красотою типа Карашокскихъ лопарей. Тщательно одѣтые и съ выраженіемъ довольства и самодостоинства, они совсѣмъ не похожи на своихъ приморскихъ собратій. Впрочемъ, какъ говорятъ, въ жилахъ карашокскихъ лопарей течетъ очень много финской крови. Привлекаемые обиліемъ пастбищъ и богатствомъ рѣчныхъ и озерныхъ рыбныхъ ловель финляндцы въ прежнее время охотно селились въ долинѣ Карашока и впослѣдствіи сливались съ мѣстнымъ, лопарскимъ населеніемъ.

Но съ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ вышеприведенныхъ законовъ объ отчужденіи казенныхъ земель, не только прекратилась финляндская иммиграція въ Карашокскій округъ, но многія изъ уже поселившихся финскихъ семействъ покинули свои мѣста. Если на морскомъ берегу рыбные промыслы и поденная работа могутъ дать заработокъ человѣку, не имѣющему недвижимой собственности, то внутри

страны, гдѣ средства къ жизни даетъ почти исключительно сельское хозяйство, невозможно существовать безъ земли. Поэтому, вскорѣ послѣ появленія закона 1863 года, тѣ изъ финляндскихъ выходцевъ, права собственности которыхъ на занятые ими земельные участки не были признаны компетентною властью до вступленія закона въ силу, принуждены были ихъ оставить. Часть изъ очутившихся въ положеніи безземельныхъ финляндцевъ переселилась на морской берегъ, остальные-же попробовали было перебиваться на мѣстахъ, но вскорѣ подверглись обвиненію въ бродяжничествѣ и были высланы обратно въ Финляндію.

При посѣщеніи въ 1883 году Карашока Консуломъ Бухаровымъ [1]), тамъ находились двѣ чисто финляндскихъ семьи; я же въ 1894 г. нашелъ лишь одну; другая окончательно слилась съ лопарями, принявъ ихъ языкъ и одежду. Несомнѣнно, что та же участь въ скоромъ времени ожидаетъ и оставшееся семейство.

Подъ вліяніемъ ли финскаго элемента, или по инымъ причинамъ, но лопари Карашока, какъ выше упомянуто, находятся на сравнительно высокомъ экономическомъ и умственномъ уровнѣ.

Согласно результатамъ послѣдней народной переписи, къ 1 января 1891 г. въ карашокскомъ приходѣ состояло жителей 518 человѣкъ. Такимъ образомъ, если вѣрить цифрамъ, приведеннымъ консуломъ Бухаровымъ (401 чел. въ 1883 г.) [2]), то за предшествовавшее переписи восьмилѣтіе оказался приростъ въ 117 человѣкъ, т. е. почти въ 29%, что́ также мало вѣроятно, какъ и указываемое г. Бухаровымъ уменьшеніе населенія за періодъ времени съ 1875 г. по 1883 г. въ 130 человѣкъ. Подобные скачки немыслимы въ мѣстностяхъ, не подверженныхъ вліянію переселенческаго движенія,

[1]) Д. Н. Бухаровъ. Поѣздка по Лапландіи осенью 1883 года. СПБ. 1885, стр. 249. (Въ Запискахъ И. Р. Географическаго Общества. Томъ XVI, № 1).

[2]) Д. Н. Бухаровъ, тамъ же, стр. 249.

населеніе которыхъ можетъ измѣняться лишь путемъ естественнаго прироста или убыли.

Живой инвентарь Карашокскихъ осѣдлыхъ лопарей къ 1891 г. состоялъ изъ 218 головъ рогатаго скота, 57 лошадей и 498 овецъ. Принимая во вниманіе, что число осѣдлыхъ лопарей равняется приблизительно 375 чел., нельзя не признать, что цифры эти служатъ достаточно краснорѣчивымъ показателемъ матеріальной обезпеченности осѣдлаго населенія.

Въ особенности заслуживаетъ вниманія сравнительно недавно начавшееся разведеніе лошадей. Несмотря на значительность требующихся для лошадей запасовъ зимняго корма, осѣдлые лопари обзаводятся ими при первой возможности и считаютъ, что лошадь, до извѣстной степени, освобождаетъ ихъ отъ зависимости отъ ихъ кочевыхъ собратьевъ. Лѣтомъ лошади служатъ имъ сравнительно мало, но по зимнему пути они возятъ на нихъ лѣсъ, заготовленное на лугахъ сѣно и пользуются ими для дальнихъ перевозокъ грузовъ. Такъ, вся мука и почти всѣ потребляемые въ Карашокѣ колоніальные и иные товары идутъ зимою на лошадяхъ изъ Лаксефіорда.

Это направленіе является совершенно новымъ товарнымъ путемъ: еще недавно всѣ товары доставлялись въ Карашокъ изъ Альтена зимою на оленяхъ, но съ послѣдовавшими измѣненіями въ пароходныхъ рейсахъ и съ появленіемъ лошадей у лопарей, оказалось болѣе выгоднымъ возить грузы изъ Лаксефіорда. По утвержденію мѣстныхъ жителей, весьма рѣдко случается, что путь этотъ бываетъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, неудобнымъ для проѣзда на лошадяхъ. Въ Альтенъ же зимою трудно ѣздить на лошадяхъ, такъ какъ на открытыхъ горныхъ пространствахъ вѣтеръ слишкомъ переметаетъ снѣгъ. Что касается другихъ зимнихъ трактовъ, то въ Каутокейно всегда ѣздятъ на оленяхъ, а вдоль по рѣкѣ Танѣ рѣдко ѣздятъ на лошадяхъ далѣе Учіоки.

Вообще пользованіе лошадьми въ Карашокѣ наводитъ на мысль о возможности продлить почтовую гоньбу на лошадяхъ зимою отъ Кандалакши до Колы. Единственное возраженіе, которое мнѣ приходилось выслушивать противъ ѣзды на лошадяхъ до Колы сводилось къ заявленію о неимѣніи сѣна. Но если будутъ устроены станціи, то ничто не помѣшаетъ запасать на нихъ сѣно, такъ какъ трава растетъ въ изобиліи по всему направленію тракта.

Согласно оффиціальнымъ даннымъ, средняя стоимость въ приходѣ Карашокъ рабочей лошади равнялась 300 кронъ, коровы или быка — 80 кронъ, овцы — 8 кронъ. Годовой удой — отъ 800 до 1,200 литровъ съ коровы.

Земледѣліе заключается лишь въ раздѣлкѣ луговъ и кустарныхъ порослей подъ покосы. Эта работа производится весьма тщательно: выкорчевывается кустарникъ, удаляются всѣ крупные камни, проводятся сточныя канавы и, по возможности, удобряется земля. Самая уборка сѣнокоса представляется болѣе затруднительною, нежели въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстностяхъ. Во первыхъ, сѣно лишь рѣдкое лѣто можетъ просыхать, оставаясь на землѣ, и приходится или прикрѣплять его пучками къ вертикально установленнымъ кольямъ, или развѣшивать на спеціально устроенныя изгороди. При болѣе или менѣе значительныхъ площадяхъ покоса нѣтъ возможности сразу просушить такимъ образомъ все полученное количество сѣна и приходится долго съ нимъ работать. Во вторыхъ, скирды сѣна приходится складывать не на землѣ, а на устроенныхъ на кольяхъ, возвышенныхъ площадяхъ, для того чтобы сѣно не очутилось зимою подъ снѣгомъ и чтобы олени не могли его потравить.

Все получаемое отъ скота количество навоза лопари употребляютъ на удобреніе луговъ. Весь мысъ, на которомъ расположено м. Карашокъ, прекрасно удобренъ и поражаетъ тучностью своихъ луговъ, несмотря на небольшую толщину слоя плодородной земли, подъ которымъ, на глубинѣ при-

близительно въ полъ аршина, выступаетъ подпочвенный песокъ.

Никакихъ хлѣбовъ въ приходѣ Карашокъ не сѣется. Картофель можетъ хорошо вызрѣвать въ благопріятные годы. Урожай нерѣдко бываетъ самъ-шесть, но лопари почти совсѣмъ прекратили воздѣлываніе этого любимаго ими корнеплода, такъ какъ поздніе морозы слишкомъ часто уничтожаютъ его посѣвы.

Жена ленсмана въ Карашокѣ, госпожа Эвре—страстная любительница садоводства и огородничества; подъ руководствомъ одного, нынѣ умершаго, норвежскаго профессора ботаники, ею были разведены самыя сѣверныя культуры нѣкоторыхъ растеній. За свои заслуги на этомъ поприщѣ Г-жа Эвре имѣетъ: серебряную медаль для ношенія на груди, пожалованную ей Королемъ Оскаромъ, бронзовую медаль отъ норвежскаго общества «Selskab for Norges Vel» и дипломъ отъ «Verein für Beförderung des Gartenbaues in Berlin».

При моемъ посѣщеніи, въ самомъ концѣ Августа (ст. ст.) огородъ и садъ г-жи Эвре были еще въ полной красѣ. Я нашелъ на грядахъ картофель, редиску, морковь (18 сантиметровъ въ окружности), салатъ, петрушку и горошекъ, который еще только цвѣлъ и служилъ лишь для украшенія. Въ углахъ огорода расположены были хорошо идущіе, пересаженные изъ лѣсу кустики дикой красной смородины съ уже созрѣвшими ягодами. Изъ цвѣтовъ я замѣтилъ мальву, левкой, резеду, астры, гвоздики, Adonis Flammula, Tagetes pumila и др. На другомъ небольшомъ участкѣ посажена была рѣпа, которую лопари весьма охотно покупали, какъ лакомство.

Сѣмена, предварительно посадки, мочатся различное время въ водѣ съ прибавкою $^1/_{10}$ доли спирта и высаживаются въ грунтъ въ различные сроки. Земля песчаная; на гряду въ 7 шаговъ длины употребляется отъ 70 до 80 литровъ конскаго навоза.

Климатъ въ Карашокѣ вполнѣ континентальный: лѣтомъ стоятъ иногда сильныя жары, а зимою бываютъ жестокіе морозы. Впрочемъ, по утвержденію мѣстныхъ жителей, зимніе холода переносятся легко, вслѣдствіе отсутствія вѣтровъ.

Ласточки прилетѣли въ 1894 г. 8 Мая (нов. ст.); онѣ не кладутъ яицъ ранѣе 16 Іюня и улетаютъ въ концѣ Августа. Я видѣлъ одинокую, запоздалую ласточку 2 Сентября нов. стиля.

Карашокскіе лопари рѣдко ходятъ на морскія рыбныя ловли. Скотоводство, рѣчные и озерные рыбные промыслы, ловля осенью и зимою куропатокъ, а также домашнія ремесла въ достаточной степени обезпечиваютъ ихъ существованіе, не заставляя искать заработка въ отхожихъ промыслахъ. Наловленныя куропатки сбываются въ замороженномъ видѣ норвежскимъ купцамъ изъ Вадсэ или изъ ближайшихъ мѣстностей, или на зимнихъ ярмаркахъ въ Боссекопѣ и Карльботенѣ. Несмотря на чрезвычайно строгую законодательную охрану дичи въ Норвегіи, ловля куропатокъ силками не воспрещена въ норвежской Лапландіи, подобно тому, какъ это сдѣлано у насъ для Кольскаго уѣзда. Избытки своихъ молочныхъ скоповъ и рыбныхъ заготовокъ осѣдлые лопари или тоже продаютъ зимою на ярмаркахъ, или промѣниваютъ на оленей у кочевыхъ лопарей. Эти послѣдніе даютъ одну взрослую самку за одинъ вогъ (18 килогр.) соленой семги.

Не мало получаютъ осѣдлые лопари отъ кочевыхъ за свои подѣлки. Карашокскіе лопари по справедливости славятся своимъ искуствомъ въ кузнечномъ, слесарномъ, плотничьемъ и столярномъ ремеслахъ. Лучшіе замки и ножевые клинки въ Лапландіи выходятъ изъ Карашока. Карашокскія женщины прекрасно ткутъ грубые сорта суконъ и искусно выдѣлываютъ обувь, шубы и, вообще, все, до послѣдней, части лопарскаго туалета. Лопари-оленеводы, въ силу своего образа жизни въ переносимыхъ съ мѣста на мѣсто палаткахъ,

не имѣютъ возможности заниматься какимъ нибудь ремесломъ и нуждаются поэтому въ своихъ осѣдлыхъ собратіяхъ.

Благодаря обязательному обученію, всѣ Карашокскіе лопари грамотны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стариковъ. Учителемъ, какъ и во время Бухарова, состоитъ мѣстный лопарь Изаксонъ, который, по всей вѣроятности, будетъ со временемъ замѣненъ норвежцемъ. Новое зданіе школы еще не было закончено ко времени моего проѣзда. Сооруженіе этой, дѣйствительно роскошной для мѣстности, постройки обошлось весьма дорого, что вызвало неудовольствіе въ Финмаркенѣ, такъ какъ часть расходовъ падаетъ на обще-губернскія средства. Большой, солидной постройки домъ крытъ шиферными плитами, привезенными зимою на оленяхъ изъ Альтенскихъ каменоломенъ. Внутри зданіе отличается хорошими размѣрами и свѣтомъ помѣщеній; классныя комнаты обширны, для учителей (предполагается содержать двоихъ) имѣется пять комнатъ; на чердакѣ приспособлено помѣщеніе для мастерскихъ, такъ какъ имѣется въ виду ввести профессіональное обученіе.

Обученіе ведется на лопарскомъ языкѣ, за исключеніемъ закона Божія, который преподается на норвежскомъ языкѣ. Норвежскій языкъ составляетъ обязательный предметъ; на него за послѣднее время обращается особенное вниманіе, но, тѣмъ не менѣе, по моимъ наблюденіямъ, дѣти норвежскихъ лопарей занимаются имъ съ малою охотою и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаютъ въ немъ мѣньшіе успѣхи, нежели дѣти нашихъ пограничныхъ лопарей, обучающихся русской грамотѣ. Къ тому же кочевые лопари очень скоро утрачиваютъ выносимыя ими изъ школы скудныя познанія въ норвежскомъ языкѣ.

Вообще норвежскіе лопари научаются обыкновенно норвежскому языку въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и изъ чисто практическихъ цѣлей. Въ то время, какъ русскій лопарь весьма охотно приходитъ въ общеніе съ русскимъ элемен-

томъ, легко и скоро усваивая русскій языкъ, норвежскіе ихъ собратья въ большинствѣ случаевъ стараются сторониться отъ норвежцевъ. Это обстоятельство слѣдуетъ, быть можетъ, приписать разности отношеній русскаго и норвежскаго народовъ къ лопарямъ: по свойственной славянскимъ народамъ особенности, мы не отталкиваемъ отъ себя подчиненныя намъ народности низшей культуры. Отношеніе же норвежскаго общества, въ особенности низшихъ его слоевъ, къ лопарскому населенію оставляетъ желать лучшаго. Норвежскія среднія и высшія власти безсомнѣнно безпристрастны по отношенію къ лопарямъ, но не всегда достаточно хорошо скрываютъ свое къ нимъ презрѣніе. Такое отношеніе не можетъ не отталкивать лопарей отъ норвежцевъ.

Карашокскіе лопари, живя своею замкнутою общиною вдали отъ норвежцевъ, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ лопари другихъ приходовъ, и менѣе ихъ испытываютъ на себѣ высокомѣрное отношеніе высшей культуры. Но уже въ силу большаго своего развитія Карашокскіе лопари быстрѣе сознаютъ и глубже чувствуютъ невыгоды своего положенія въ странѣ, несмотря на абстрактное равноправіе предъ закономъ. Не имѣя въ сущности вѣскихъ реальныхъ поводовъ къ тому, Карашокскіе лопари, безъ сомнѣнія, не вполнѣ довольны своимъ правовымъ положеніемъ.

Быть можетъ справедлива была догадка консула Бухарова о томъ, что сокровенною причиною такого недовольства является желаніе участвовать въ управленіи страны путемъ избранія въ Стортингъ лопарскихъ представителей. Какъ бы то ни было, но часть Карашокской молодежи живо интересуется вопросами общей внутренней политики, конечно, имѣя зачастую по нимъ вполнѣ дѣтскіе взгляды. При обходѣ избъ Карашока я нашелъ въ одной изъ нихъ небольшое сборище молодыхъ лопарей, слушавшихъ чтеніе выписываемой хозяиномъ дома дешевой норвежской газеты. Газета составляетъ почти единственное норвежское чтеніе Ка-

рашокскихъ лопарей, мало пользующихся состоящею при церкви норвежскою безплатною библіотекою и берущихъ изъ нея книги большею частью лишь для вида, въ угоду пастору.

Упомянувъ о пасторѣ, я долженъ замѣтить, что, несмотря на религіозность лопарей, церковь не является достаточно связующимъ началомъ между ними и норвежскимъ обществомъ. Насколько русскій лопарь—ревностный православный, настолько же норвежскій лопарь — убѣжденный протестантъ. Лопарская набожность достигаетъ крайнихъ предѣловъ и доходитъ до изступленнаго фанатизма, нашедшаго себѣ исходъ въ кровавыхъ сценахъ въ 1852 году въ Каутокейно, когда, возбужденные аскетическими ученіями Лестадіанской секты, лопари замучили до смерти мѣстнаго норвежскаго купца и тяжко истязали своего, спасшагося лишь благодаря счастливой случайности, пастора — «чтобъ изгнать изъ него дьявола».

При всей религіозности лопари въ настоящее время не совсѣмъ ладятъ со своими пасторами. Главная тому причина лежитъ въ преподаваніи Закона Божія на норвежскомъ языкѣ. Лопари этимъ очень тяготятся и утверждаютъ что ихъ дѣти, за недостаточнымъ знаніемъ норвежскаго языка, выучиваютъ уроки наизусть, совершенно не понимая ихъ смысла и не пріобрѣтаютъ ровно никакихъ познаній въ религіи. Сверхъ того, лопари обвиняютъ пасторовъ (насколько я могу судить — напрасно) въ препятствованіи распространенію книгъ религіознаго содержанія на лопарскомъ языкѣ, а также въ томъ, что пасторы обращаютъ актъ конфирмаціи въ средство обнорвеживанія, не допуская къ конфирмаціи дѣтей, не оказывающихъ успѣховъ въ норвежскомъ языкѣ.

Вопросъ о предоставленіи лопарямъ права изучать Законъ Божій на своемъ родномъ языкѣ неоднократно поднимался въ Норвегіи, причемъ въ утвердительномъ смыслѣ выска-

зывались такіе авторитеты, какъ недавно умершій извѣстный филологъ, профессоръ Фрисъ, бывшій епископъ въ Тромсэ (епархія обхватываетъ весь Финмаркенъ), Скоръ и нѣкоторыя другія лица. Зимою 1895—1896 г.г. въ финмаркенскихъ либеральныхъ газетахъ появились статьи, доказывавшія, что принудительное преподаваніе Закона Божія на норвежскомъ языкѣ лишаетъ лопарей всякаго знакомства съ истинами религіи и способно привести ихъ къ полному религіозному индиферентизму.

Духовенству вредитъ также въ глазахъ лопарей недавно принятая имъ на себя обязанность контролировать преподаваніе норвежскаго языка въ школахъ, посѣщаемыхъ учениками неморвежской національности. Обязанность эта заставляетъ и безъ того обремененныхъ свѣтскими функціями пасторовъ лишній разъ выступать въ роли политическихъ агентовъ.

Спѣшу, однако, оговориться, что лопари, за рѣдкими исключеніями, питаютъ полное уваженіе къ личности своихъ пасторовъ. Норвежское правительство назначаетъ пасторовъ въ смѣшанные приходы съ чрезвычайною осмотрительностью и всѣ мнѣ знакомые пасторы въ сѣверной Норвегіи, по личнымъ своимъ качествамъ, являются достойными представителями протестантской церкви и норвежской государственной идеи.

Пробывъ два дня въ гостепріимной семьѣ ленсмана Эвре, я выѣхалъ 21 августа (стараго стиля) изъ Карашока въ м. Сейда, откуда проложена шоссейная дорога вдоль Варангерскаго залива, вплоть до Вадсэ.

Дождь, почти безъ перерыва лившій со времени моего выѣзда изъ Альтена, прекратился незадолго до отъѣзда изъ Карашока и выглянувшее солнце, съ собравшеюся на берегу рѣки того же имени толпою лопарей въ бѣлыхъ куфтахъ (блузахъ) устроили мнѣ торжественные проводы.

Лодка, на которой мнѣ надлежало совершить переѣздъ въ 231 километръ, какъ всѣ употребляемыя въ горныхъ рѣкахъ сѣверной части Скандинавскаго полуострова лодки, отличалась большою длиною при весьма узкомъ корпусѣ и низкихъ бортахъ. Съ одинаково приподнятыми и заостренными носомъ и кормою, плоскодонныя лодки эти отчасти напоминаютъ индѣйскія пироги; помимо двухъ гребцовъ, на нихъ съ удобствомъ могутъ помѣститься лишь одинъ, много два пассажира.

Мнѣ была дана прекрасная совсѣмъ новая лодка и мое сидѣніе было особенно тщательно приготовлено: по срединѣ лодки внизу были положены доски, на нихъ лежалъ густой слой свѣженарубленныхъ березовыхъ вѣтокъ, а сверху была разослана моя оленья шкура, безъ которой никогда не путешествуютъ по Лапландіи; для упора спины былъ положенъ мой мѣшокъ съ платьемъ и спальными принадлежностями; два куска брезента были предназначены для защиты отъ дождя меня и моихъ вещей. При такомъ устройствѣ, если только быть тепло одѣтому и не особенно бояться воды, то можно совершить довольно пріятное путешествіе по рр. Карашоку и Танѣ, даже въ осеннюю дождливую погоду.

Когда все было готово, то мои два гребца вскочили въ лодку, и мы быстро отчалили, напутствуемые благопожеланіями провожающихъ. Рѣка понесла насъ внизъ по теченію и предъ нами поспѣшно развертывался тотъ же мирный пейзажъ, какъ и на пространствѣ между Ассибакте и Карашокомъ. Въ особенности пріятно для глаза обиліе растительности: куда ни взглянешь, всюду тянутся вплоть до самаго горизонта покрытые лѣсомъ холмы.

Согласно оффиціальнымъ даннымъ (см. De Norske Flödningsvasdrag, 1894 года) районъ, обслуживаемый воднымъ бассейномъ рѣки Таны, равняется 14, 800 кв. километрамъ; изъ этого пространства на долю Норвегіи приходится 12,000 километровъ, изъ коихъ около 400 (приблизительно 3,3%)

находится подъ довольно рѣдкими березовыми и сосновыми лѣсами. Если эти лѣса привести къ нормальной густотѣ насажденія, то можно считать въ Карашокскомъ приходѣ 250 кв. кил. лѣса: 80 кил. сосноваго и 170 кил. березоваго. На норвежскомъ берегу Таны проживаетъ круглымъ числомъ 1,000 человѣкъ и, если среднее количество потребленія лѣса принять, примѣнительно къ нормамъ правительственной лѣсной комиссіи 1874 года, въ 7 куб. метровъ на душу, то получится количество въ 7,000 куб. метровъ для всего населенія или 18 куб. метровъ на 1 квадратный километръ.

По вычисленію вышеупомянутой комиссіи 1874 года средній приростъ лѣса въ Карашокскомъ приходѣ равняется 51 куб. метрамъ на 1 кв. километръ. Такимъ образомъ, казалось бы, потребленіе лѣса почти въ три раза менѣе его прироста и лѣсныя насажденія должны быстро увеличиваться. Но на дѣлѣ вопросъ этотъ представляется довольно спорнымъ, такъ какъ нельзя опредѣлить съ точностью размѣра тайныхъ порубокъ.

Считаю небезинтереснымъ упомянуть здѣсь о значительной разницѣ въ цифрахъ комиссіи 1874 г. и лѣснаго директоріата. Норвежская казна, присвоивъ себѣ почти всѣ лѣсныя пространства въ Финмаркенѣ, съ чрезмѣрною осмотрительностью отводитъ мѣстнымъ жителямъ лѣсъ на срубъ для хозяйственныхъ цѣлей (главнымъ образомъ на отопленіе). По вычисленію комиссіи 1874 года, основанному на весьма добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ, средняя потребность въ лѣсныхъ матеріалахъ въ Финмаркенѣ равняется 8,8 куб. метр. на душу. Между тѣмъ лѣсное вѣдомство, согласно собственнымъ его цифрамъ, отводитъ на душу лишь 1,3 куб. метра, т. е. менѣе $^1/_6$ средней ежегодной потребности каждаго жителя. Если прибрежные жители могутъ еще, въ крайнемъ случаѣ, пріобрѣтать на деньги или рыбу, привозимый изъ Россіи или съ юга Норвегіи, лѣсъ, то для лицъ,

проживающихъ внутри страны, это невозможно по причинѣ затруднительности и дороговизны перевозки.

Такая скупость лѣснаго вѣдомства, безъ сомнѣнія, заставляетъ финмаркенскихъ жителей прибѣгать къ тайнымъ порубкамъ. Злоупотребленія этого рода остаются почти всегда недоказанными вслѣдствіе солидарности населенія. Въ отчетѣ лѣснаго директоріата за 1886—90 гг. помѣщено заявленіе лѣсничаго въ Амтахъ Тромсэ и Финмаркенѣ о томъ, что безнаказанности лѣснаго хищенія способствуетъ, будто-бы, недостаточная безпристрастность судовъ низшей инстанціи, на приговоры которыхъ имѣютъ вліяніе выборные засѣдатели изъ мѣстныхъ жителей, «часто являющіеся въ большей или меньшей степени соучастниками въ дѣлѣ». По поводу этого заявленія проф. Гелландъ справедливо замѣчаетъ, что само лѣсное вѣдомство, отказывая въ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ населенія, понуждаетъ его къ тайнымъ порубкамъ и что всякій безпристрастный судья не можетъ отнестись иначе, какъ съ большою снисходительностью къ проступкамъ подобнаго рода.

Примѣромъ строгаго охраненія норвежской казною своихъ лѣсовъ служитъ воспрещеніе жителямъ Карашокскаго прихода держать козъ, такъ какъ животныя эти портятъ лѣсъ своею привычкою глодать кору съ молодыхъ побѣговъ. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что норвежскіе лѣса вдоль рѣки Таны хорошо сбережены. По разсказамъ норвежскихъ властей, объѣзжавшій въ 1894 г. пограничныя мѣстности, Начальникъ Финляндскаго Лѣснаго Управленія остался, будто-бы, недоволенъ состояніемъ финляндскихъ лѣсовъ и указывалъ на норвежскую сторону, какъ на образецъ тщательной охраны лѣсныхъ пространствъ.

Чрезъ полтора часа гребли предъ нами встали на горизонтѣ, изъ за ближайшихъ холмовъ, высокія лѣсистыя горы Финляндіи, а получасомъ позже мы вошли въ рѣку Тану, образуемую сліяніемъ рѣкъ Карашокъ и Анаріокъ. Отсюда

мы будемъ плыть по Танѣ, имѣя съ правой стороны Финляндію, а съ лѣвой—Норвегію; оставленный нами позади Анаріокъ почти на всемъ своемъ протяженіи служитъ границею между Финляндіею и Норвегіею. На норвежской сторонѣ этой рѣки проживаетъ 7 семействъ. У сліянія Карашока и Анаріока расположенъ на финляндской сторонѣ поселокъ Уласъ-Уле.

На многихъ картахъ Финмаркена бассейнъ рѣки Таны изображенъ такимъ образомъ, какъ будто Анаріокъ есть главная рѣка, а Карашокъ его притокъ. Это невѣрно, ибо послѣдняя рѣка гораздо значительнѣе первой. Равнымъ образомъ, Іешіокъ, впадающій въ Карашокъ, гораздо многоводнѣе верхней части теченія этой послѣдней рѣки. Вообще слѣдуетъ признать истокомъ Таны озеро Іешяврe, соединенное протокомъ съ озеромъ Чушяврe, дающимъ начало рѣкѣ Іешіокъ, впадающей, какъ выше упомянуто, въ Карашокъ, которая, по соединеніи съ Анаріокомъ, принимаетъ названіе Таны.

Рѣка Тана шире и многоводнѣе Карашока, но характеръ ея и прибрежной мѣстности пока еще не измѣняется и производитъ тоже мирное впечатлѣніе. Мы быстро двигаемся впередъ. Одинъ изъ гребцовъ, сидя на очень низкой скамейкѣ, гребетъ, часто взмахивая своими короткими и широкими веслами, другой правитъ весломъ, откинувшись на положенный на кормѣ мѣшокъ съ сѣномъ. Черезъ каждую милю (11 километровъ) они причаливаютъ къ берегу и мѣняются мѣстами; тотъ, который правитъ — отдыхаетъ, держа одно изъ своихъ веселъ въ водѣ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда требуется поспѣшить, подгребаетъ обоими веслами.

Идя внизъ по рѣкѣ, лопари довольствуются одною остановкою въ день для приготовленія кофе, которымъ запиваютъ хлѣбъ съ соленою рыбою. Но поднимаясь по рѣкѣ, они чрезъ каждыя двѣ мили дѣлаютъ привалъ для варки кофе, котораго они потребляютъ во время работы такъ много, какъ наши лопари чая.

Упоминая о разстояніяхъ, я долженъ оговориться, что въ Норвежской Лапландіи единицы длины очень неопредѣленны. На лопарскомъ языкѣ слово миля замѣняется словомъ «собачій лай» и милею признается такое разстояніе, на которое слышно лающую собаку. Понятно, что при такомъ способѣ измѣренія разстояній понятія о нихъ бываютъ весьма относительны.

Несмотря на легкость лопарскихъ лодокъ, плаваніе вверхъ по рѣкѣ представляется весьма тяжелымъ трудомъ, въ особенности въ порогахъ. Идя противъ теченія, лопари не пользуются веслами, а отталкиваются длинными, тщательно обструганными шестами, пальца въ $2^1/_2$ шириною. Перевозчики становятся на ноги, опускаютъ шесты одинъ съ праваго, а другой съ лѣваго борта и поочередно отталкиваются ими въ 4 темпа съ замѣчательною, чисто механическою точностью и рѣзкостью. При каждомъ отталкиваніи лодка посылается впередъ съ такою силою, что струя воды брызжетъ вверхъ изъ подъ носа. Идя на шестахъ, лопари стараются держаться возможно ближе къ берегу и, вообще, пользуются всѣми тѣми мѣстами, гдѣ теченіе слабѣе и которыя зовутся у насъ на сѣверѣ «заводь». Въ порогахъ приходится положительно надрываться и иногда передній гребецъ выходитъ на берегъ и, перескакивая съ камня на камень, выгнувшись впередъ и дѣлая чудеса равновѣсія, тянетъ лодку за веревку впередъ въ то время, какъ оставшійся на кормѣ товарищъ изо всѣхъ силъ отталкивается шестомъ. Въ иныхъ мѣстахъ, чтобы пройти нѣсколько сотъ саженъ, приходится потратить нѣсколько часовъ громадныхъ усилій и переломать не одинъ шестъ въ борьбѣ съ бурливымъ теченіемъ.

Прибрежные жители Таны, лопари и финны, славящіеся на всю Норвегію своимъ искусствомъ ходить на шестахъ, не могутъ проходить вверхъ по теченію болѣе 6 миль (66 километровъ) въ день, и то при форсированной работѣ, и обыкновенно употребляютъ не менѣе четырехъ сутокъ

на переѣздъ изъ мѣстечка Сейда въ Карашокъ. Такая работа достается имъ не дешево: по совершеніи столь значительнаго переѣзда, они не только чувствуютъ себя совершенно разбитыми въ поясницѣ и ногахъ, но и стираютъ себѣ шестами кожу на ладоняхъ до такой степени, что не въ состояніи работать иногда въ продолженіи цѣлой недѣли.

Около 7 часовъ вечера мы подошли къ Аудагоски, одному изъ наиболѣе значительныхъ финляндскихъ поселеній, расположенныхъ вдоль теченія рѣки Таны; здѣсь имѣется маленькая церковь и финско-лопарская школа. Несмотря на позднее время, я причалилъ къ берегу и былъ встрѣченъ школьнымъ учителемъ, предупрежденнымъ о моемъ проѣздѣ наканунѣ навѣстившимъ его ленсманомъ Эвре. Привѣтливый и порядочно изъяснявшійся по шведски учитель съ большою готовностью провелъ меня по всей школѣ.

Въ двухъ-этажномъ довольно обширномъ зданіи школы помѣщается, помимо классовъ, квартира учителя, спальня интерната и помѣщеніе для ремесленныхъ работъ. Въ школѣ три отдѣленія, курсъ четырехгодичный, въ день бываетъ шесть уроковъ. Во время моего проѣзда въ школѣ числилось 18 учениковъ обоего пола; изъ нихъ 7 помѣщаются въ интернатѣ, устроенномъ для дѣтей отдаленныхъ родителей. По причинѣ вакаціоннаго времени я не могъ видѣть учениковъ, но просмотрѣлъ ихъ очень опрятно содержимыя тетради по чистописанію и рисованію. Какъ и всѣ, вообще, лица, имѣющія дѣло съ лопарскими дѣтьми, учитель весьма похвально отзывался о прилежаніи, способностяхъ и поведеніи своихъ учениковъ. Жена учителя помогаетъ мужу въ веденіи преподаванія и обучаетъ дѣвочекъ рукодѣліямъ, а также занимается интернатомъ, за что и получаетъ особое вознагражденіе. Жалованье учителя вмѣстѣ съ вознагражденіемъ его жены равняется 1400 финскимъ маркамъ.

Пасторъ не живетъ постоянно въ Аудагоски, но пріѣзжаетъ туда по временамъ для совершенія богослуженія и требъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы прибыли къ мѣсту нашей ночевки Вальіокъ Гольменъ, такъ что намъ почти ощупью пришлось отыскивать домъ кочеваго (по норвежскому горнаго) лопаря Гуттормсена. Довольно состоятельный человѣкъ, лопарь этотъ поставилъ недавно обширную, хорошо устроенную избу, вѣроятно разсчитывая поселиться въ ней со временемъ, когда года и болѣзни сдѣлаютъ уже совершенно невыносимымъ вѣчное скитаніе по тундрамъ и житье круглый годъ въ пропизываемыхъ вѣтромъ шалашахъ, а покуда отдаетъ свою избу подъ постой привилегированнымъ путникамъ. Изба весьма большихъ размѣровъ раздѣлена на двѣ половины: одна стоитъ пустою, для проѣзжающихъ, а въ другой временно проживала жена и дѣти владѣльца; у каждой половины имѣются свои отдѣльныя сѣни.

Утромъ оказалось, что избу, меня пріютившую, строилъ одинъ изъ моихъ гребцовъ, Самуэль Бальто. Онъ вырубилъ лѣсъ около Ассибакте, собралъ въ черне избу, а потомъ сплавилъ ее сюда въ разобранномъ видѣ. Съ гордостью указывая на размѣры постройки и на затѣйливые узоры, выпиленные имъ на конькѣ крыши, Бальто хвастливо заявлялъ, что Карашокскіе лопари во всякомъ дѣлѣ могутъ обойтись безъ норвежской помощи. Вообще, Бальто былъ самымъ хвастливымъ и болтливымъ норвежскимъ лопаремъ, котораго я встрѣчалъ. Бывъ спутникомъ Нансена въ его путешествіи на лыжахъ по Гренландіи, онъ пріобрѣлъ извѣстность во всей Норвегіи и особое уваженіе среди своихъ сородичей[1]). Это обстоятельство, а также хорошее знаніе норвежскаго языка придавали ему много апломба.

Мы поторопились выѣхать изъ Вальіокъ Гольмена, чтобы нагнать, согласно уговору, ленсмана Эвре и вмѣстѣ съ

[1]) F. Nansen. På skidor genom Grönland. Svensk öfversättning. Stockholm. 1890. pag. 20.

нимъ пріѣхать на ночлегъ къ финляндскому ленсману въ Учіоки.

Дорогою главною темою моихъ разговоровъ съ гребцами были оленьи перекочевки и закрытіе границы. Насколько я могу себѣ уяснить этотъ вопросъ изъ распросовъ многихъ лицъ, послѣдовавшее въ 1851 году закрытіе финляндской границы въ настоящее время уже не столь тягостно для Карашокскихъ лопарей, какъ было въ началѣ. Оленеводы свыклись съ новымъ порядкомъ вещей и, опасаясь конфискаціи своихъ стадъ, побѣждаютъ свою природную безпечность и лучше стерегутъ ихъ, вслѣдствіе чего случаи перехода границы становятся все рѣже и жалобъ со стороны норвежцевъ на строгости финляндскихъ властей все менѣе и менѣе. Норвежскіе и шведскіе противники закрытія границы настаиваютъ главнымъ образомъ на томъ, что несправедливо дѣлать лопарей отвѣтственными за дѣйствіе громадныхъ стадъ полудикихъ звѣрей, повинующихся лишь физическимъ причинамъ стихійнаго свойства: безкормицѣ, сильнымъ непогодамъ и т. д. Они упускаютъ при этомъ изъ виду, что само норвежское и шведское законодательство разсматриваетъ владѣльца оленьяго стада, какъ полнаго, самостоятельнаго и въ то же время отвѣтственнаго хозяина, не допуская при этомъ никакихъ отговорокъ на счетъ стихійныхъ силъ. Норвежскіе законы 7 Сентября 1854 г., 2 Іюня 1883 г. и 23 Іюня 1888 г. обязываютъ лопарей тщательно пасти свои стада и держать ихъ въ установленныхъ закономъ предѣлахъ и возлагаютъ на нихъ отвѣтственность за всѣ, могущіе произойти отъ недостаточнаго наблюденія за оленями, убытки и поврежденія. Практика норвежскихъ судебныхъ мѣстъ твердо придерживается постановленій вышеприведенныхъ законовъ и лопарямъ оленеводамъ пришлось не мало переплатить штрафовъ за оленьи потравы.

Одинъ занимающій нынѣ видное мѣсто въ норвежскомъ военномъ флотѣ офицеръ разсказывалъ мнѣ, что будучи ко-

мандированъ въ молодыхъ годахъ для картографическихъ работъ въ амтъ Тромсэ, онъ обнаружилъ систематическое обираніе кочевыхъ лопарей осѣдлыми жителями, сѣявшими картофель въ горахъ, въ мѣстахъ, по которымъ ежегодно осенью проходятъ олени стада. Картофель на этихъ высотахъ никогда не вызрѣваетъ, но доходъ получался не отъ его урожая, а отъ непремѣнно взыскиваемыхъ судебнымъ порядкомъ съ лопарей мнимыхъ убытковъ за потраву преднамѣренно слабо огороженныхъ посѣвовъ.

Губернаторъ (амтманъ) Норланда, Г. Тейссенъ въ отвѣтъ на мои замѣчанія о строгости норвежскихъ законовъ о лопарскихъ перекочевкахъ, замѣтилъ, что если-бы не страхъ тяжкихъ штрафовъ, то лопари, по природной своей лѣни и безпечности, часто оставляли-бы своихъ оленей безъ всякаго призора и предоставляли бы имъ пастись гдѣ угодно.

Не менѣе строго относятся къ пастьбѣ оленей лопарями и въ Швеціи. Въ провинціи Норрботтенъ лопарямъ подъ страхомъ высокихъ штрафовъ воспрещается подпускать свои стада къ жилищамъ новопоселенцевъ (nybyggare) ближе, чѣмъ на $1^1/_2$ мили. Одинъ изъ окружныхъ судовъ (härädsrett, въ сказанной провинціи постановилъ однажды приговоръ) уполномочивавшій каждаго новопоселенца стрѣлять и брать себѣ всѣхъ тѣхъ чужихъ оленей, которые будутъ найдены зимою вблизи его стоговъ сѣна. (Nordisk Tidskrift för 1867, Våra Nomader, af A. Caianus).

Если, такимъ образомъ, признается законнымъ и возможнымъ требовать отъ оленеводовъ—лопарей безусловнаго уваженія границъ частнаго владѣнія, то непонятно, почему иныя лица считаютъ чуть не варварствомъ требовать отъ того же лопаря уваженія государственной границы, соблюдать которую тѣмъ легче, что она почти всегда опредѣлена значительно рѣзче и точнѣе, нежели частныя межи.

Исходящая изъ Швеціи и Норвегіи агитація противъ закрытія границы основывается, вѣроятно, на томъ, что нѣ-

которые общественные дѣятели и публицисты, не считая желательнымъ расширить у себя дома предѣлы пастьбы лопарскихъ стадъ, не прочь предоставить своимъ лопарямъ компенсацію на чужой счетъ, путемъ дарованія имъ права пользованія финляндскими пастбищами. По странному недоразумѣнію, агитація объ отмѣнѣ закрытія границы находитъ себѣ поддержку въ нѣкоторой части финляндской прессы.

Изъ бесѣдъ со свѣдущими людьми и со служащимъ уже 27 лѣтъ въ Карашокѣ лепсманомъ Эвре я не могъ вынести убѣжденія о необходимости для Карашокскихъ оленеводовъ финляндскихъ моховыхъ пастбищъ и о безусловномъ превосходствѣ сихъ послѣднихъ надъ норвежскими. Отъ означенныхъ лицъ не слышалъ я также подтвержденія справедливости появляющихся отъ времени до времени въ скандинавской и финляндской прессѣ извѣстій о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ, творимыхъ, будто-бы, финляндскими лепсманами при конфискаціи перешедшихъ границу оленьихъ стадъ. Единственно, что я могъ вывести изъ видѣннаго и слышаннаго во время настоящей моей поѣздки — это то, что финляндскія пастбища обширнѣе норвежскихъ и, будучи расположены на меньшихъ высотахъ, болѣе лѣсисты и потому не такъ заносятся снѣгами и представляютъ для оленей лучшую защиту отъ зимнихъ вьюгъ.

Но это обстоятельство преимущества финляндскихъ зимнихъ оленьихъ пастбищъ надъ норвежскими также мало дастъ право норвежскимъ кочевникамъ требовать открытія финляндской границы, какъ превосходство норвежскихъ лѣтнихъ расположенныхъ на морскомъ берегу, прохладныхъ и свободныхъ отъ комаровъ и волковъ пастбищъ уполномочиваетъ финляндскихъ лопарей домогаться допущенія ихъ оленьихъ стадъ лѣтомъ въ Норвегію.

Что Карашокскіе лопари не гибнутъ отъ невозможности пасти свои стада въ финляндскихъ предѣлахъ, то свидѣтельствуютъ слѣдующія статистическія данныя: въ 1863 году

въ приходѣ Карашокъ считалось 14,350 оленей, а въ 1891 году число ихъ увеличилось до 18,675. Еще разительнѣе возрастаніе оленьихъ стадъ въ пограничномъ приходѣ Каутокейно. Въ 1865 году тамъ считалось 28,168 оленей, въ 1870 году — 24,480, въ 1875 году — 30,700, въ 1883 году — 29,900, а въ 1891 году — 44,245 головъ. Общее число оленей въ Финмаркенѣ достигало къ 1 Января 1891 года 96,651 головы, что превышаетъ на 8,097 число оленей, бывшихъ въ 1855 г., т. е. черезъ четыре года послѣ закрытія границы, и почти вдвое превышаетъ норму, опредѣленную норвежскою коммиссіею 1852 года (51 тысяча).

Такимъ образомъ, мотивомъ къ открытію финляндско-норвежской границы могло-бы служить лишь то соображеніе, что тогда пограничные норвежскіе лопари могли-бы безъ затрудненія держать большее, чѣмъ нынѣ, количество оленей. Но несомнѣнно, что мотивированное подобнымъ соображеніемъ домогательство клонилось-бы въ чужую пользу, страдая при этомъ отсутствіемъ не только юридической, но и логической обоснованности.

Слѣдуетъ опасаться, что открытіе финляндско-норвежской границы разрушитъ установившійся нынѣ и удовлетворяющій обѣимъ сторонамъ modus vivendi и въ нежелательной степени осложнитъ пограничныя отношенія. По свидѣтельству консула Бухарова, финляндскіе кочевые лопари живутъ между собою въ антагонизмѣ, воруя и истребляя другъ у друга оленей; съ другой стороны столкновенія между осѣдлыми жителями и кочевниками и такъ не рѣдки. Но всѣ эти прискорбныя явленія еще болѣе обострятся и примутъ извѣстный политическій оттѣнокъ въ случаѣ различія подданствъ участвующихъ лицъ.

Къ тому-же, допускъ въ предѣлы Финляндіи всѣхъ безъ различія норвежскихъ кочевыхъ лопарей будетъ противорѣчить современному образу дѣйствія Финляндской администраціи, благоразумно исключающей всѣ неблагонадежные

элементы. Переходъ въ настоящее время норвежскихъ лопарей въ Финляндію весьма затруднителенъ, обставленъ различными формальностями и сопряженъ съ большими проволочками. На норвежскомъ берегу, немного ниже Вальіокъ Гольменъ расположенъ поселокъ Яури-Байньяргъ, въ которомъ, во время моего проѣзда, проживалъ лопарь Іосифъ Нильсенъ Буола. Одновременно съ братомъ своимъ, Іосифъ Буола подалъ прошеніе о принятіи его въ финляндское гражданство. Ходатайство брата было удовлетворено, а Іосифу было отказано на томъ основаніи, что онъ когда-то былъ судимъ за какой-то мелкій поступокъ. Случай этотъ можетъ служить примѣромъ той осмотрительности, съ которою Финляндія принимаетъ къ себѣ иностранныхъ подданныхъ.

Въ поселкѣ Левоіокъ, гдѣ мы остановились для обѣда, нагналъ я любезнаго ленсмана Эвре, съ которымъ и продолжалъ путь вплоть до Сейда. Я засталъ его сидѣвшимъ въ хижинѣ единственнаго мѣстнаго жителя, полунищаго лопаря вдовца съ тремя малолѣтними дѣтьми, только что передъ нашимъ пріѣздомъ оштрафованнаго Польмакскимъ ленсманомъ на 10 кронъ за нарушеніе закона о рыболовствѣ. Норвежское рыболовное законодательство строго охраняетъ семгу отъ истребленія и содержитъ цѣлый рядъ строгихъ охранительныхъ постановленій, относительно пощаднаго времени, способовъ и орудія лова и т. д. За соблюденіемъ всѣхъ этихъ правилъ наблюдается съ большою строгостью, рѣзко контрастирующею съ тою неограниченною свободою, которою пользуется въ нашихъ сѣверныхъ водахъ хищническое истребленіе наиболѣе цѣнной рыбной породы семги. Финляндскіе законы о рыболовствѣ въ водахъ Таны очень сходны съ норвежскимъ законодательствомъ по тому же предмету, а потому промыселъ семги въ этой рѣкѣ вполнѣ урегулированъ и не производится такимъ хищническимъ образомъ, какъ въ рѣкахъ русской Лапландіи.

Тотчасъ за Левоіокомъ начинается первый порогъ рѣки

Таны, шумъ котораго уже давно былъ намъ слышенъ. По мѣрѣ приближенія теченіе становится все быстрѣе и бурливѣе. Рѣка, спертая горами, суживается, песчаное дно смѣняется крупными камнями, изъ которыхъ многіе высятся надъ поверхностью воды, угрожая разбить вашу хрупкую лодку.

Лопари бросаютъ весла—теченіе и такъ уже несетъ насъ съ поразительною быстротою—и хватаются за шесты. Мѣшокъ съ сѣномъ передается на носъ и передній гребецъ, припавъ на мѣшокъ колѣномъ, выставляетъ свой шестъ впередъ; вся его забота провести носъ лодки между камнями и не дать ей приткнуться къ одному изъ нихъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ лодка можетъ или разбиться, или быть забитою волненіемъ и затонуть. Работа очень нелегкая, требующая большой физической силы.

Задній гребецъ правитъ лодкою и выбираетъ фарватеръ, давая отрывистыя указанія товарищу; онъ старается задерживать быстроту движенія, и по временамъ, чтобы дать возможность переднему гребцу отвести носъ отъ камня, на который его уже слишкомъ наваливаетъ теченіе, останавливаетъ на мгновеніе лодку, всею силою корпуса своего напирая на свой шестъ. Случается, иногда, что отъ сильнаго удара одинъ изъ шестовъ ломается пополамъ; лодка дрогнетъ, покачнется, черпнетъ воды и уже готова нестись по порогу безпомощною щепкою, если-бы не сила, ловкость и хладнокровная находчивость второго гребца, который какъ нибудь да справится, покуда товарищъ выхватываетъ со дна лодки запасный шестъ.

Въ особенности опасенъ бываетъ тотъ моментъ, когда лодку принесетъ къ обрывистому скату, по которому нѣтъ возможности спуститься. Тутъ приходится ставить лодку почти поперекъ теченія и отводить ее въ другой фарватеръ. Для этого требуется громадное напряженіе силъ и громадная осмотрительность, ибо стоитъ одному изъ шестовъ пере-

ломиться или соскользнуть съ камня, на который онъ упертъ, чтобъ лодка мгновенно очутилась разбитою внизу уступа. Минуты, проведенныя надъ такимъ уступомъ, кажутся очень долгими и, вообще, ѣзда внизъ по порогамъ можетъ быть отнесена къ разряду такъ называемыхъ сильныхъ ощущеній, иногда весьма печально кончающихся.

Послѣ перваго порога рѣка успокаивается, но не надолго, и скоро начинается рядъ пороговъ, отличающихся другъ отъ друга лишь размѣрами и степенью уклона. Быстро спускаясь по одному изъ нихъ, мы встрѣтили съ трудомъ поднимавшуюся вдоль берега лодку. Стоявшій на носу рослый молодой лопарь въ синей куфтѣ поразилъ меня правильными чертами своего смуглаго лица и обильными черными кудрями; на лодкѣ лежало нѣсколько русскихъ кулей съ мукою. Изъ разспросовъ оказалось, что это финляндскіе лопари съ Анаріока, промышлявшіе лѣтомъ рыбу въ фіордѣ Таны и возвращавшіеся домой съ запасомъ ржаной муки, вымѣненной у поморскихъ шкиперовъ.

Дождь лилъ какъ изъ ведра и уже начинало смеркаться, когда мы подъѣхали къ мѣстечку Учіокъ, гдѣ проживаетъ финляндскій ленсманъ, у котораго мы надѣялись обсушиться и переночевать. Молодой, застѣнчивый ленсманъ принялъ насъ вѣжливо. Мы застали у него двухъ накануѣ пріѣхавшихъ чиновниковъ и, замѣтивъ, что у нашего хозяина домъ и безъ насъ полонъ, стали, несмотря на затруднительность нашего положенія, прощаться послѣ получасоваго визита.

Учіокскій приходъ граничитъ на западъ съ Норвегіею на протяженіи около 20 миль рѣкою Таною и занимаетъ площадь въ 3,427 квадратныхъ километровъ.

Населеніе Учіокскаго прихода въ 1860 году равнялось 391 человѣку, въ томъ числѣ 94 кочевыхъ лопаря; въ 1867 году—421 челов., въ томъ числѣ 112 кочевыхъ ло-

парей; въ 1882 году (по даннымъ Г. Бухарова)—377 чел.; въ 1888 году—410 чел. и въ 1893 году—431 человѣкъ, изъ нихъ 24 кочевыхъ лопаря. Изъ этихъ данныхъ усматривается сильное уменьшеніе лопарей оленеводовъ, что объясняется переселеніемъ ихъ въ приходъ Энаре, представляющій лучшія условія для пастьбы оленей. Несмотря на это переселеніе, число оленей, принадлежавшихъ Учіокскимъ жителямъ, увеличилось за послѣдніе годы: въ 1893 году оно равнялось 3,436, противъ 1,200 въ 1882 году. Учіокскіе кочевники, также какъ и Энарскіе (см. книгу Бухарова), никогда не нуждались въ норвежскихъ оленьихъ пастбищахъ и открытіе границы для нихъ вовсе не желательно.

Въ шестидесятыхъ годахъ замѣчалось сравнительно значительное выселеніе въ Норвегію осѣдлыхъ Учіокскихъ жителей. Такъ, въ 1860 году выселилось 9 человѣкъ, въ 1861 году—33 человѣка, въ 1862 году—30, въ 1863 году—32, въ 1864 году—35, въ 1865 году 31, въ 1866 году—? и въ 1867 году 45 человѣкъ. Въ настоящее время движеніе это совершенно прекратилось.

Осѣдлые Учіокскіе лопари увеличили за послѣдніе годы свой живой инвентарь,—въ 1867 году они имѣли: лошадей 0, коровъ 130, въ 1893 году—лошадей 21, коровъ 219. Равнымъ образомъ кочевые лопари сравнительно увеличили составъ своихъ оленьихъ стадъ: въ 1867 году на душу приходилось 86 оленей, а въ 1893 году—145.

Отъ Учіоки до поселка норвежскаго лопаря Іона Айкіо, на мысѣ Луосаньяргъ, оставалось около 12 верстъ и мы прошли это разстояніе безъ малаго въ часъ, усиленно гребя среди почти полной темноты и подъ проливнымъ дождемъ. Айкіо мирно спалъ со своими тремя здоровыми и сравнительно красивыми дочерями, когда мы постучались въ его двери. Несмотря на поздній часъ и неожиданное появленіе, мы были очень радушно приняты: мнѣ и моему спут-

нику отведена была та половина избы, въ которой держатся молочные скопы; скоро въ очагѣ запылалъ огонь и мы стали готовить себѣ хорошо заслуженный ужинъ, покуда проворныя лопарки прибирали горницу и устраивали намъ при помощи сѣна и оленьихъ шкуръ постели.

У Айкіо также какъ и у другихъ норвежскихъ лопарей, видѣлъ я занятыя у сосѣдей финляндцевъ книги духовнаго содержанія. На мои вопросы о томъ, зачѣмъ они берутъ книги у финляндцевъ, лопари обыкновенно отвѣчали, что норвежскія книги они плохо понимаютъ, а что книги на лопарскомъ языкѣ достать трудно. По поводу подобныхъ займовъ считаю долгомъ добавить, что финское и норвежское осѣдлое населеніе по теченію рѣки Таны живетъ, по моимъ наблюденіямъ, въ наилучшихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, вполнѣ сознавая необходимость взаимопомощи для людей, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ суровою полярною природою.

Переночевавъ у Айкіо, мы на другое утро пустились въ дальнѣйшій путь и черезъ три часа послѣ выѣзда изъ Луосаньярга достигли самаго большаго и опаснаго порога на рѣкѣ Танѣ—Stor Fossen. Русло въ этомъ мѣстѣ стѣснено съ обѣихъ сторонъ высокими горами и рѣка несется среди большихъ камней съ головокружительною быстротою и сильнымъ ревомъ. Порогъ имѣетъ около 3,500 ф. длины и отъ 200 до 300 ф. ширины, при среднемъ уклонѣ въ $^1/_{125}$; на послѣднихъ 2,850 ф. уровни воды могутъ разниться на 20 футовъ.

Этотъ порогъ является громаднымъ препятствіемъ для судоходства по Танѣ и въ значительной степени затрудняетъ дальнѣйшую колонизацію верхней части рѣки. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ по порогу нельзя провести ни внизъ, ни вверхъ груженой лодки: приходится пристать къ финляндскому берегу, какъ къ наименѣе крутому и переносить кладь на рукахъ черезъ гору, на разстояніи

приблизительно въ 1½ километра. Лодка-же проводится пустою съ большою опасностью для пея и для гребцовъ. Ежегодно въ порогѣ этомъ гибнетъ нѣсколько лодокъ, а иногда даже и человѣческихъ жертвъ.

Норвежское правительство, въ своихъ просвѣщенныхъ заботахъ объ устройствѣ и развитіи путей сообщенія въ Лапландіи, неоднократно пыталось помочь дѣлу. Въ 1873 году Финмаркенскій Амтманъ настаивалъ передъ Правительствомъ о необходимости урегулировать Большой Порогъ. Въ 1876 году былъ для этой цѣли командированъ инженеръ лейтенантъ Нюсомъ, произведшій изслѣдованія и предложившій устроить вдоль норвежскаго берега каналъ для пропуска лодокъ въ 15 футовъ ширины и 2—4 футовъ глубины; расходы по сооруженію были исчислены въ 8,000 кронъ. Финмаркенское Губернское Собраніе немедленно ассигновало изъ своихъ средствъ 2,000 кронъ и приняло на себя обязанность содержать необходимаго для завѣдыванія каналомъ сторожа.

14-го Іюня 1879 года послѣдовала Королевская Резолюція объ отпускѣ дополнительныхъ 6,000 кронъ на производство работъ. Вмѣстѣ съ симъ поручено было Амтману увѣдомить русскія (финляндскія) власти о предполагаемыхъ работахъ. Сдѣлано это было въ тѣхъ цѣляхъ, что, быть можетъ, Финляндія, въ виду общаго экономическаго значенія рѣки Таны, изъявитъ согласіе участвовать въ издержкахъ по ея урегулированію.

Работы начаты были въ 1880 году, но пріостановлены, по израсходованіи 4,250 кронъ, два года спустя, когда выяснилось, что весенніе разливы и ледоходы разрушатъ строющійся каналъ, если его не оградить различными дополнительными сооруженіями, на что потребовалось-бы до 17 тысячъ кронъ. Въ 1885 году Стортингъ опять пришелъ на помощь предпріятію, ассигновавъ на оное 9,000 кронъ; но до 1886 года шло между компетентными лицами разногласіе о

томъ, не лучше-ли вмѣсто канала построить на берегу рельсовую дорогу, по которой можно было-бы перевозить лодки на платформѣ. Послѣднее мнѣніе восторжествовало, и въ 1887 году было приступлено къ устройству рельсоваго пути, но, почему-то, постройка съ самаго начала велась очень медленно и вскорѣ была совсѣмъ пріостановлена.

Въ настоящее время отъ неоконченнаго канала не осталось почти и слѣда: вода все разрушила и засыпала камнями. Отъ рельсоваго пути тоже ничего не видно.

Немного ниже Большого Порога на правомъ берегу расположенъ послѣдній финляндскій поселокъ Біэхча, гдѣ мы сдѣлали привалъ для отдыха утомившихся въ порогѣ лопарей. Далѣе оба берега принадлежатъ Норвегіи; горы исчезаютъ и пейзажъ становится все бѣднѣе и неприглядиѣе.

Среди дня мы остановились у гостепріимнаго Польмакскаго лепсмана Пареліуса. Радушный хозяинъ удерживалъ насъ у себя возможно дольше и много разсказывалъ про свой служебный округъ. Онъ не могъ нахвалиться Польмакскими лопарями, утверждая, что это самые порядочные и честные изо всѣхъ лопарей и что нельзя себѣ представить болѣе смирныхъ и уважающихъ законъ гражданъ. Большинство Польмакскихъ лопарей живетъ осѣдло и зажиточно; столь частые въ Норвегіи случаи продажи съ аукціона имущества обывателей за неплатежъ государственныхъ и земскихъ сборовъ почти неизвѣстны въ Польмакскомъ округѣ. Благодаря своей трезвости и трудолюбію Польмакскіе жители возвращаются съ лѣтнихъ морскихъ промысловъ съ запасомъ денегъ, рыбы и муки. Осенью и весною они занимаются ловомъ семги у себя въ Танѣ. У всѣхъ осѣдлыхъ лопарей имѣются коровы. Молочные продукты, хлѣбъ, кофе, рыба и купленная у кочевыхъ лопарей на деньги или промѣненная на рыбу оленина составляютъ зимнее питаніе Польмакскихъ лопарей, которые, по признанію многихъ, живутъ не бѣднѣе многихъ крестьянъ средней или южной Норвегіи.

Слушая эти разсказы, я невольно подумывалъ о томъ, отчего-бы такъ не жить и нашимъ Пазрѣцкимъ лопарямъ, находящимся въ вполнѣ аналогичныхъ съ Польмакскимъ лопарскимъ населеніемъ условіяхъ.

23-го Августа въ $8^1/_2$ часовъ вечера прибыли мы въ Сейда, употребивъ 56 часовъ на переходъ въ 231 километровъ. Тутъ закончилась моя въ высшей степени интересная, но не благопріятствуемая погодою поѣздка по Танѣ. Далѣе мнѣ надлежало проѣхать на лошадяхъ по шоссейной дорогѣ въ Нюборгъ, откуда ходящій по Варангерскому заливу мѣстный пароходъ долженъ былъ доставить меня въ Вадсэ.

Какъ приложеніе къ настоящему моему путевому очерку, считаю небезполезнымъ привести здѣсь списокъ населенныхъ мѣстъ вдоль рѣки Таны на пространствѣ отъ ея начала до м. Сейда. Оговариваюсь, что названія мѣстностей, непоказанныхъ на норвежскихъ картахъ, я записывалъ со словъ моихъ лопарей-гребцовъ, стараясь по возможности передать ихъ выговоръ, и что лопари часто называютъ поселки по имени владѣльца.

На Финляндской сторонѣ:

Уласъ Ула . . .	1 семья.	Подушъ	2 семьи.
Гейкорасъ	3 »	Гуаднильіокъ . .	1 »
Руссъ Бю	3 »	Айлепладсъ . . .	? »
Аудагоски	? »	Кова	1 »
Барши	3 »	Айміокъ	1 »
Яэльвіоки	2 »	Учіокъ	? »
Барисъ Лука . .	4 »	Учедабикъ	2 »
Дала Баласъ . . .	3 »	Ганноганза . . .	1 »
Новосъ	4 »	Біэхчахъ	6 »
Айлигасньяргъ . .	1 »	Ліадду	1 »

Ягельвіокки . . .	1 семья.	Юрганъ.	2 семьи.
Аслакіеги	1 »	Рахья (граница) .	1 »
Ялевю	1		

Норвежскій Западный берегъ:

Іопъ Іерки . . .	1 семья.	Руовегьедде . . .	? семья.
Гьеттавеки . . .	1 »	Луосапьяргъ . . .	1 »
Сегельпэсъ . . .	1 »	Біэвра	? »
Валіокъ Гольменъ.	? »	Сирма	? »
Яури Байпьяргъ .	1 »	Вуліонъ.	1 »
Портъ	? »	Гиллагура	2 »
Левоіокъ	1 »		

Норвежскій восточный берегъ:

Польмакъ.	Шиппагора.
Альскиньяргъ.	Сейда.

инв. 1917 пк

ПК
II 661